

ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ
ЗАПИСКИ О ГАЛЛЬСКОЙ
ВОЙНЕ

Гай Юлий Цезарь
Записки о Галльской войне

«Public Domain»

58-50 гг. до н. э.

Цезарь Г.

Записки о Галльской войне / Г. Цезарь — «Public Domain»,
58-50 гг. до н. э.

Записки Гая Юлия Цезаря (100-44 гг. до н.э.), величайшего полководца и государственного деятеля, - это не только замечательный источник по истории политических отношений античной эпохи, но и произведение, которое можно отнести и к документальной хронике, и к мемуарам, и к военной прозе.

Содержание

Книга первая	6
Содержание	6
I	7
II	8
III	9
IV	10
V	11
VI	12
VII	14
VIII	15
IX	16
X	17
XI	18
XII	19
XIII	20
XIV	21
XV	22
XVI	23
XVII	24
XVIII	25
XIX	26
XX	27
XXI	28
XXII	29
XXIII	30
XXIV	31
XXV	32
XXVI	33
XXVII	34
XXVIII	35
XXIX	36
XXX	37
XXXI	38
XXXII	39
XXXIII	40
XXXIV	41
XXXV	42
XXXVI	43
XXXVII	44
XXXVIII	45
XXXIX	46
XL	47
XLI	48
XLII	49
XLIII	50
XLIV	51

XLV	52
XLVI	53
XLVII	54
XLVIII	55
XLIX	56
L	57
LI	58
LII	59
LIII	60
LIV	61
Книга вторая	62
Содержание	62
I	63
II	64
III	65
IV	66
V	68
VI	69
VII	70
VIII	71
IX	72
X	73
XI	74
XII	75
XIII	76
XIV	77
XV	78
XVI	79
XVII	80
XVIII	81
XIX	82
XX	83
XXI	84
XXII	85
XXIII	86
XIV	87
XXV	88
XXVI	89
XXVII	90
XXVIII	91
XXIX	92
XXX	93
XXXI	94
XXXII	95
XXXIII	96
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Гай Юлий Цезарь Записки о Галльской войне

Книга первая

Содержание

География Галлии (гл. 1).

Поход против гельветов (гл. 2–29).

Поход против Ариовиста (гл. 30–54)

I

Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной из них живут бельги¹, в другой – аквитаны², в третьей – те племена, которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем – галлами³. Все они отличаются друг от друга особым языком, учреждениями и законами. Галлов отделяет от аквитанов река Гарумна, а от бельгов – Матрона и Секвана. Самые храбрые из них – бельги, так как они живут дальше всех других от Провинции с ее культурной и просвещенной жизнью; кроме того, у них крайне редко бывают купцы, особенно с такими вещами, которые влекут за собою изнеженность духа; наконец, они живут в ближайшем соседстве с зарейнскими германцами, с которыми ведут непрерывные войны. По этой же причине и гельветы⁴ превосходят остальных галлов храбростью: они почти ежедневно сражаются с германцами, либо отбивая их вторжения в свою страну, либо воюя на их территории. Та часть, которую, как мы сказали, занимают галлы, начинается у реки Родана и ее границами служат река Гарумна, Океан и страна бельгов; но со стороны секванов⁵ и гельветов она примыкает также к реке Рейну. Она тянется к северу. Страна бельгов начинается у самой дальней границы Галлии и доходит до нижнего Рейна. Она обращена на северо-восток. Аквитания идет от реки Гарумны до Пиренейских гор и до той части Океана, которая омывает Испанию. Она лежит на северо-запад.

¹ Бельги (Belgae) – группа племен, занимавшая третью часть Галлии.

² Аквитаны (Aquitani) – жители Аквитании (Aquitania), самой южной из трех главных частей Галлии между Пиренеями и Гаронной и океаном.

³ Галлы (Galli) – жители Галлии.

⁴ Гельветы (Helvetii) – галльское племя между Женевским озером и Рейном.

⁵ Секваны (Sequani) – крупное племя в Кельтской Галлии между Араром и Юрой.

II

У гельветов первое место по своей знатности и богатству занимал Оргеториг. Страстно стремясь к царской власти, он, в консульство М. Мессалы и М. Писона, вступил в тайное соглашение со знатью и убедил общину выселиться всем народом из своей земли: так как гельветы, говорил он, превосходят всех своей храбростью, то им нетрудно овладеть верховной властью над всей Галлией. Склонить на это гельветов было для него тем легче, что по природным условиям своей страны они отовсюду стеснены: с одной стороны весьма широкой и глубокой рекой Рейном, которая отделяет область гельветов от Германии, с другой – очень высоким хребтом Юрой – между секванами и гельветами, с третьей – Леманнским озером и рекой Роданом, отделяющей нашу Провинцию от гельветов. Все это мешало им расширять район своих набегов и вторгаться в земли соседей: как люди воинственные, они этим очень огорчались. Они полагали, что при их многолюдстве, военной славе и храбрости им было слишком тесно на своей земле, которая простиралась на двести сорок миль в длину и на сто шестьдесят в ширину.

III

Эти основания, а также авторитет Оргеторига склонили их к решению приготовить все необходимое для похода, скупить возможно большее количество вьючных животных и телег, засеять как можно больше земли, чтобы на походе было достаточно хлеба, и укрепить мирные и дружественные отношения с соседними общинами. Для выполнения всех этих задач, по их мнению, довольно было двух лет, а на третий год должно было состояться, по постановлению их народного собрания, поголовное выселение. Оргеториг взял на себя посольство к общинам. Во время этой поездки он убеждает секвана Кастика, сына Катаманталеда, который много лет был царем секванов и имел от нашего сената титул друга римского народа, захватить в своей общине царскую власть, которая раньше была в руках его отца; к такой же попытке он склоняет и эдуа Думнорига, брата Дивитиака, который в то время занимал в своей общине высшую должность и был очень любим простым народом. За Думнорига он, кроме того, выдает замуж свою дочь. Оргеториг доказывает им, что эти попытки очень легко осуществимы, так как сам он должен получить верховную власть в своей общине, а гельветы, несомненно, самый сильный народ в Галлии; он ручается, что при своих средствах и военной силе обеспечит им царскую власть. Под влиянием подобных речей они дают друг другу клятвенные обязательства и надеются, что после захвата царской власти они овладеют всей Галлией при помощи трех самых сильных и могущественных народов.

IV

Но об этих замыслах гельветы узнали через доносчиков. Согласно со своими нравами они заставили Оргеторига отвечать перед судом в оковах. В случае осуждения ему предстояла смертная казнь посредством сожжения. Но в назначенный для суда день Оргеториг отовсюду собрал на суд всех своих крепостных, около десяти тысяч человек, а также приказал явиться всем своим клиентам и должникам, которых у него было много; при помощи всех этих людей он избавился от необходимости защищаться на суде. Когда возмущенная этим община пыталась вооруженной силой осуществить свое право и власти стали набирать народ из деревень, Оргеториг умер; по мнению гельветов, есть основания подозревать, что он покончил с собой.

V

После его смерти гельветы тем не менее продолжали заботиться о выполнении своего решения выселиться всем народом. Как только они пришли к убеждению, что у них все для этой цели готово, они сожгли все свои города числом до двенадцати, села числом около четырехсот и, сверх того, все частные хутора, сожгли и весь хлеб, за исключением того, который должны были взять с собой на дорогу, – с тем чтобы не иметь уже никаких надежд на возвращение домой и, таким образом, быть более готовыми на какие угодно опасности: каждому приказано было взять с собой муки на три месяца. Они уговорили также своих соседей – рауриков⁶, тулингов⁷ и латовиков⁸ – сжечь, подобно им, свои города и села и двинуться вместе с ними. Наконец, они приняли к себе и включили в число своих союзников также боев⁹, которые поселились за Рейном, затем перешли в Норик и осаждали Норею.

⁶ Раурики (Raurici) – племя в Кельтской Галии, по соседству с гельветами, где был впоследствии город Augusta Rauricorum, н. August у Базеля.

⁷ Тулинги (Tulingi) – германское племя, соседи гельветов.

⁸ Латовики (Latovici) – германское племя, соседи гельветов.

⁹ Бои (Voi) – кельтское племя соседи гельветов, с городом Горгобиной.

VI

Было вообще два пути, по которым гельветы могли выступить из своей страны: один узкий и трудный – через область секванов, между Юрой и Роданом, по которому с трудом может проходить одна телега в ряд; кроме того, над ним нависали весьма высокие горы, так что даже очень небольшой отряд легко мог загородить дорогу; другой шел через нашу Провинцию и был гораздо легче и удобнее, так как между гельветами и недавно покоренными аллоброгами¹⁰ течет река Родан, в некоторых местах проходима вброд. Самый дальний от нас город аллоброгов в ближайшем соседстве с гельветами – Генава. Из этого города идет мост в страну гельветов. Они были уверены в том, что либо уговорят все еще не примирившихся с римской властью аллоброгов, или же заставят силой дать свободный проход через их землю. Приготовив все необходимое для похода, они назначают срок для общего сбора на берегу Родана. Это был пятый день до апрельских Календ, в год консульства Л. Писона и А. Габивия.

¹⁰ Аллоброги (Allobroges) – кельтское племя, жившее между Роной, Изерой, Женевским озером и Альпами, в теперешнем Дофине и Савойе. Главный город их – Виенна, н. Виенне.

VII

При известии о том, что гельветы пытаются идти через нашу Провинцию, Цезарь ускорил свой отъезд из Рима, двинулся самым скорым маршем в Дальнюю Галлию и прибыл в Генаву. Во всей Провинции он приказал произвести усиленный набор (вообще же в Дальней Галлии стоял только один легион) и разрушить мост у Генавы. Как только гельветы узнали о его прибытии, они отправили к нему послами знатнейших людей своего племени. Во главе посольства стояли Наммей и Веруклетий. Они должны были заявить, что гельветы имеют в виду пройти через Провинцию без всякого для нее вреда, так как никакого другого пути у них нет, и просят его соизволения на это. Но так как Цезарь помнил, что гельветы убили консула Л. Кассия, разбили его армию и провели ее под ярмо, то он не считал возможным согласиться на их проход: он понимал, что люди, враждебно настроенные, в случае разрешения пройти через Провинцию не воздержатся от причинения вреда и насилий. Однако, чтобы выиграть время до прихода набранных солдат, он ответил послам, что ему нужно будет время, чтобы об этом подумать; если им угодно, то пусть они снова явятся к апрельским Идам.

VIII

Тем временем, при помощи бывшего при нем легиона и солдат, которые уже собрались из Провинции, он провел от Леманнского озера, которое изливается в реку Родан, до хребта Юры, разделяющего области секванов и гельветов, вал на протяжении девятнадцати миль в шестнадцать футов высотой и ров. По окончании этих сооружений он расставил вдоль их посты и заложил сильные редуты, чтобы тем легче задержать врагов в случае их попытки пройти против его воли. Как только наступил условленный с послами день и они снова к нему явились, он объявил им, что, согласно с римскими обычаями и историческими прецедентами, он никому не может разрешить проход через Провинцию, а если они попытаются сделать это силой, то он сумеет их удержать. Гельветы, обманувшись в своих надеждах, стали делать попытки, иногда днем, а чаще ночью, прорваться частью на связанных попарно судах и построенных для этой цели многочисленных плотках, отчасти вброд, в самых мелких местах Родана. Но мощь наших укреплений, атаки наших солдат и обстрелы каждый раз отгоняли их и в конце концов заставили отказаться от их попыток.

IX

Оставался единственный путь через страну секванов, по которому, однако, гельветы не могли двигаться, вследствие его узости, без разрешения секванов. Так как им самим не удалось склонить последних на свою сторону, то они отправили послов к эдую Думноригу, чтобы при его посредстве добиться согласия секванов. Думнориг, благодаря своему личному авторитету и щедрости, имел большой вес у секванов и вместе с тем был дружен с гельветами, так как его жена, дочь Оргеторига, была из их племени; кроме того, из жажды царской власти он стремился к перевороту и желал обязать себе своими услугами как можно больше племен. Поэтому он берет на себя это дело, добивается у секванов разрешения для гельветов на проход через их страну и устраивает между ними обмен заложниками на том условии, что секваны не будут задерживать движения гельветов, а гельветы будут идти без вреда для страны и без насилий.

X

Цезарю дали знать, что гельветы намереваются двигаться через области секванов и эдуев в страну сантонов¹¹, лежащую недалеко от области толосатов¹², которая находится уже в Провинции. Он понимал, что в таком случае для Провинции будет очень опасно иметь своими соседями в местности открытой и очень хлебородной людей воинственных и враждебных римлянам. Поэтому он назначил комендантом построенного им укрепления своего легата Т. Лабиена, а сам поспешил в Италию, набрал там два легиона, вывел из зимнего лагеря еще три зимовавших в окрестностях Аквилеи и с этими пятью легионами быстро двинулся кратчайшими путями через Альпы в Дальнюю Галлию. Здесь кеутроны¹³, грайокелы¹⁴ и катуриги¹⁵, заняв возвышенности, пытались загородить путь нашей армии, но были разбиты в нескольких сражениях, и на седьмой день Цезарь достиг – от самого дальнего в Ближней Галлии города Окела – области воконтиев¹⁶ в Дальней Провинции. Оттуда он повел войско в страну аллоброгов, а от них к сегузиавам. Это – первое племя за Роданом вне Провинции.

¹¹ Сантоны (Santoni) – приморское племя Кельтской Галлии к северу от Гарумны, н. Saintes.

¹² Толосаты (Tolosates) – жители Толосы (Tolosa), города в Провинции (вольков-тектосагов) на Гаронне.

¹³ Кеутроны (Ceutrones): а) галльское альпийское племя в Провинции, в теперешнем *département* Savoie; б) бельгийское племя, клиенты нервиев, жившие по левому берегу Шельды.

¹⁴ Грайокелы (Graioceli) – племя в Провинции Галлии около Mont-Cenis с городом Окелом (Ocelum).

¹⁵ Катуриги (Caturiges) – галльское племя в Провинции, имя которого еще сохранилось за современным местечком Chorges, *département* Hautes Alpes в бывшей провинции Le Dauphiné.

¹⁶ Воконтии (Vocontii) – кельтское племя в Провинции между Роной и Изерой.

XI

Гельветы уже перевели свои силы через ущелье и область секванов, уже пришли в страну эдуев и начали опустошать их поля. Так как эдуи не были в состоянии защищать себя и свое имущество, то они отправили к Цезарю послов с просьбой о помощи: эдуи, говорили послы, *при каждом удобном случае оказывали римскому народу такие важные услуги, что не следовало бы допускать – почти что на глазах римского войска! – опустошения их полей, увода в рабство их детей, завоевания их городов.* Единоновременно с эдуями их друзья и ближайшие родичи амбарры¹⁷ известили Цезаря, что их поля опустошены и им нелегко защищать свои города от нападений врагов. И аллоброги, имевшие за Роданом поселки и земельные участки, спаслись бегством к Цезарю и заявили, что у них осталась лишь голая земля. Все это привело Цезаря к решению не дожидаться, пока гельветы истребят все имущество союзников и дойдут до земли сантонов.

¹⁷ Амбарры (Ambarri) – небольшое кельтское племя между Соной и Роной.

XII

По земле эдуев и секванов протекает и впадает в Родан река Арар. Ее течение поразительно медленно, так что невозможно разглядеть, в каком направлении она течет. Гельветы переправлялись через нее на плотках и связанных попарно челноках. Как только Цезарь узнал от разведчиков, что гельветы перевели через эту реку уже три четверти своих сил, а около одной четверти осталось по сю сторону Арара, он выступил из лагеря в третью стражу с тремя легионами и нагнал ту часть, которая еще не перешла через реку. Так как гельветы не были готовы к бою и не ожидали нападения, то он многих из них положил на месте, остальные бросились бежать и укрылись в ближайших лесах. Этот паг назывался Тигуринским (надо сказать, что весь народ гельветский делится на четыре пага). Это и есть единственный паг, который некогда на памяти отцов ваших выступил из своей земли, убил консула Л. Кассия и его армию провел под ярмо. Таким образом, произошло ли это случайно или промыслом бессмертных богов, во всяком случае, та часть гельветского племени, которая когда-то нанесла римскому народу крупные поражения, первая и поплатилась. Этим Цезарь отомстил не только за римское государство, но и за себя лично, так как в упомянутом сражении тигуринцы убили вместе с Кассием его легата Л. Писона, деда Цезарева тестя Л. Писона.

XIII

Чтобы догнать после этого сражения остальные силы гельветов, Цезарь распорядился построить на Араре мост и по нему перевел свое войско. Его внезапное приближение поразило гельветов, так как они увидели, что он в один день осуществил переправу, которая удалась им едва-едва в двадцать дней. Поэтому они отправили к нему послов. Во главе их был князь Дивикон, который когда-то был вождем гельветов в войне с Кассием. Он начал такую речь к Цезарю: *если римский народ желает мира с гельветами, то они пойдут туда и будут жить там, где он им укажет места для поселения; но если Цезарь намерен продолжать войну с ними, то пусть он вспомнит о прежнем поражении римлян и об унаследованной от предков храбрости гельветов. Если он неожиданно напал на один паг в то время, как переправлявшиеся не могли подать помощи своим, то пусть он не приписывает эту удачу главным образом своей доблести и к ним не относится свысока. От своих отцов и дедов они научились тому, чтобы в сражениях полагаться только на храбрость, а не прибегать к хитростям и засадам. Поэтому пусть он не доводит дела до того, чтобы то место, на котором они теперь стоят, получило название и известность от поражения римлян и уничтожения их армии.*

XIV

Цезарь дал им такой ответ: *он тем менее колеблется, что твердо держит в памяти то происшествие, на которое ссылались гельветские послы, и тем более им огорчен, чем менее оно было заслужено римским народом. Ведь если бы римляне сознавали себя виновными в какой-либо несправедливости, то им нетрудно было бы остеречься; но они ошиблись именно потому, что их действия не давали им повода к опасениям, а бояться без причины они не находили нужным. Итак, если он даже и готов забыть о прежнем позоре, неужели он может изгладить из своей памяти недавнее правонарушение, именно что гельветы против его воли попытались силой пройти через Провинцию и причинили много беспокойства эдуям, амбаррам, аллоброгам? К тому же сводится их надменное хвастовство своей победой и удивление, что так долго остаются безнаказанными причиненные ими обиды. Но ведь бессмертные боги любят давать иногда тем, кого они желают покарать за преступления, большое благополучие и продолжительную безнаказанность, чтобы с переменой судьбы было тяжелее их горе. При всем том, однако, если они дадут ему заложников в удостоверение готовности исполнить свои обещания и если удовлетворят эдуев за обиды, причиненные им и их союзникам, а также аллоброгов, то он согласен на мир с ними. Дивикон отвечал: гельветы научились у своих предков брать заложников и не давать их; этому сам римский народ свидетель. С ЭТИМ ОТВЕТОМ ОН УДАЛИЛСЯ.*

XV

На следующий день они снялись отсюда с лагеря. Цезарь сделал то же самое и для наблюдения над маршрутом неприятелей выслал вперед всю конницу, числом около четырех тысяч человек, которых он набрал во всей Провинции, а также у эдуев и их союзников. Всадники, увлекшись преследованием арьергарда, завязали на невыгодной позиции сражение с гельветской конницей, в котором потеряли несколько человек убитыми. Так как гельветы всего только с пятьюстами всадников отбросили такую многочисленную конницу, то это сражение подняло в них дух, и они стали по временам смелее давать отпор и беспокоить наших нападениями своего арьергарда. Но Цезарь удерживал своих солдат от сражения и пока ограничивался тем, что не давал врагу грабить и добывать фураж. И вот обе стороны двигались около пятнадцати дней так, что расстояние между неприятельским арьергардом и нашим авангардом было не больше пяти или шести миль.

XVI

Между тем Цезарь каждый день требовал от эдуев хлеба, официально ими обещанного. При упомянутом северном положении Галлии, вследствие холодного климата, не только еще не созрел хлеб на полях, но даже и фуража было недостаточно; а тем хлебом, который он подвез по реке Арару на судах, он почти не мог пользоваться, так как гелветы свернули в сторону от Арара, а он не хотел упускать их из виду. Эдуи оттягивали дело со дня на день, уверяя его, что хлеб собирается, свозится, уже готов. Цезарь понял, что его уж очень долго обманывают; а между тем наступал срок распределения хлеба между солдатами. Тогда он созвал эдуйских князей, которых было много в его лагере. В числе их были, между прочим, Дивитиак и Лиск. Последний был в то время верховным правителем, который называется у эдуев вергобретом, избирается на год и имеет над своими согражданами право жизни и смерти. Цезарь предъявил им тяжкие обвинения в том, что, когда хлеба нельзя ни купить, ни взять с полей, в такое тяжелое время, при такой близости врагов они ему не помогают, а между тем он решился на эту войну главным образом по их просьбе; но еще более он жаловался на то, что ему вообще изменили.

XVII

Только тогда, после речи Цезаря, Лиск высказал то, о чем раньше молчал. Есть известные люди, говорил он, очень авторитетные и популярные у простого народа, личное влияние которых сильнее, чем у самих властей. Вот они-то своими мятежными и злостными речами и отпугивают народ от обязательной для него доставки хлеба; раз уж эдуи, говорят они, не могут стать во главе Галлии, то все же лучше покориться галлам, чем римлянам: ведь если римляне победят гельветов, то они, несомненно, поработят эдуев так же, как и остальных галлов. Те же агитаторы выдают врагам наши планы и все, что делается в лагере; обуздать их он, Лиск, не может. Мало того, он понимает, какой опасности он подверг себя вынужденным сообщением Цезарю того, что он обязан был сообщить; вот почему он, пока только можно было, молчал.

XVIII

Цезарь понимал, что Лиск намекает на Думнорига, брата Дивитиака, но, не желая дальнейших рассуждений об этом в присутствии большого количества свидетелей, он немедленно распустил собрание и удержал при себе только Лиска. Его он стал расспрашивать наедине по поводу сказанного в собрании. Тот говорит откровеннее и смелее. О том же Цезарь спросил с глазу на глаз и у других и убедился в истине слов Лиска: это и есть Думнориг, говорят они, человек очень смелый, благодаря своей щедрости весьма популярный в народе и очень склонный к перевороту. Много лет подряд у него были на откуп пошлины и все остальные государственные доходы эдуев за ничтожную цену, так как на торгах никто в его присутствии не осмеливается предлагать больше, чем он. Этим он и сам лично обогатился, и приобрел большие средства для своих щедрых раздач. Он постоянно содержит на свой собственный счет и имеет при себе большую конницу и весьма влиятелен не только у себя на родине, но и у соседних племен. Кроме того, для укрепления своего могущества он отдал свою мать замуж за очень сильного князя битуригов¹⁸, сам взял себе жену из племени гельветов, сестру по матери и других родственниц выдал замуж в другие общины. Благодаря этому свойству он очень расположен к гельветам, а к Цезарю и к римлянам питает, помимо всего прочего, личную ненависть, так как их приход ослабил его могущество и возвратил прежнее влияние и сан брату его Дивитиаку. Если римлян постигнет несчастье, то это даст ему самые верные гарантии при поддержке гельветов овладеть царской властью; но если утвердится римская власть, то ему придется оставить всякую надежду не только на царство, но даже на сохранение того влияния, которым он теперь пользуется. В своих расспросах Цезарь узнал также и о том, что в неудачном конном сражении, бывшем несколько дней тому назад, первыми побежали Думнориг и его всадники (Думнориг был как раз командиром вспомогательного конного отряда, присланного эдуями Цезарю), а их бегство вызвало панику и в остальной коннице.

¹⁸ Битуриги (Bituriges Cubi) – племя в Кельтской Галлии по соседству с эдуями, н. Вергу.

XIX

Эти сообщения давали Цезарю достаточное основание покарать его или самолично, или судом его сограждан, так как к указанным подозрениям присоединялись вполне определенные факты, именно, что он перевел гельветов через страну секванов, устроил между ними обмен заложниками, что он все это сделал не только против воли Цезаря и своего племени, но даже без их ведома и что, наконец, в этом его обвиняет представитель высшей власти у эдуев. Но было одно серьезное препятствие. Цезарь знал, что брат Думнорига Дивитиак отличается великой преданностью римскому народу и расположением лично к нему и что это – человек в высшей степени верный, справедливый и разумный: его-то и боялся Цезарь обидеть казнью Думнорига. Поэтому прежде, чем принять какие-либо меры, он приказал позвать к себе Дивитиака, удалил обычных переводчиков и повел с ним беседу при посредстве своего друга Г. Валерия Троукилла, видного человека из Провинции Галлии, к которому питал полное доверие. Цезарь, между прочим, напомнил о том, что на собрании галлов в его присутствии было сказано о Думнориге; затем сообщил ему о том, что сказали ему другие, каждый в отдельности, в разговоре с глазу на глаз. При этом он убедительно просил Дивитиака не считать себя оскорбленным, если он сам по расследовании дела поставит приговор о Думнориге или предложит это сделать общине эдуев.

XX

Дивитиак, обливаясь слезами, обнял [колена] Цезаря и начал умолять его не принимать слишком суровых мер против его брата: *он знает, что все это правда, и никто этим так не огорчен, как он: ведь его брат возвысился только благодаря ему в то время, когда он сам пользовался большим влиянием у себя на родине и в остальной Галлии, а тот по своей молодости не имел почти никакого значения. Но все свои средства и силы брат употребляет не только для уменьшения его влияния, но, можно сказать, для его гибели. И все-таки, помимо своей любви к брату, ему приходится считаться и с общественным мнением. Если Цезарь слишком сурово накажет Думнорига, то все будут уверены, что это произошло не без согласия Дивитиака, который состоит в числе самых близких его друзей; а в результате от него отвернется вся Галлия.* В ответ на эту красноречивую просьбу, сопровождавшуюся обильными слезами, Цезарь взял его за руку, утешил и просил прекратить свое ходатайство, уверяя Дивитиака, что он так им дорожит, что во внимание к его желанию и просьбе готов простить Думноригу измену римскому народу и свое личное оскорбление. Затем он зовет к себе Думнорига и в присутствии брата ставит ему на вид все, что он в нем порицает, все, что замечает за ним сам и на что жалуются его сограждане; на будущее время советует избегать всяких поводов к подозрению, а прошлое извиняет ради его брата Дивитиака. К Думноригу он приставил стражу, чтобы знать все, что он делает и с кем разговаривает.

XXI

В тот же день, узнав от разведчиков, что враги остановились у подошвы горы в восьми милях от его лагеря, он послал на разведку, какова эта гора и каков подъем на нее с разных сторон. Ему сообщили, что легкий. Тогда он приказал легату с правами претора Т. Лабиему подняться в третью стражу на самую вершину горы с двумя легионами и с такими проводниками, которые хорошо знают путь; вместе с тем он познакомил его со своим общим планом действия. А сам в четвертую стражу двинулся на врагов тем же путем, каким они шли, и выслал вперед себя всю конницу. Вместе с разведчиками был послан вперед П. Консидий, который считался знатоком военного дела и в свое время служил в войске Л. Суллы, а впоследствии у М. Красса.

XXII

На рассвете Лабиден уже занял вершину горы, а сам Цезарь был от неприятельского лагеря не более как в полутора милях; причем враги, как он потом узнал от пленных, пока еще не знали ни о его приходе, ни о приходе Лабидена. В это время во весь опор прискакал Консидий с известием, что гора, которую он поручил занять Лабидену, находится в руках врагов: это он будто бы узнал по галльскому оружию и украшениям. Цезарь повел свои войска на ближайший холм и выстроил их в боевом порядке. Лабиден помнил приказ Цезаря не начинать сражения, пока не увидит его собственного войска вблизи неприятельского лагеря, чтобы атаковать врага одновременно со всех сторон, и потому, по занятии горы, поджидал наших и воздерживался от боя. Уже среди белого дня Цезарь узнал от разведчиков, что гора занята римлянами и что гелветы снялись с лагеря, а Консидий со страха сообщил, будто бы видел то, чего на самом деле не видел. В этот день Цезарь пошел за врагами в обычном от них расстоянии и разбил свой лагерь в трех милях от их лагеря.

XXIII

До распределения между солдатами хлеба оставалось только два дня, и так как Цезарь находился не более чем в восемнадцати милях от самого большого у эдуев и богатого провинтом города Бибракте, то он счел нужным позаботиться о продовольственном деле и на следующий день свернул в сторону от гельветов, направившись к Бибракте. Об этом было сообщено неприятелям через беглых рабов декуриона галльской конницы Л. Эмилия. Может быть, гельветы вообразили, что римляне уходят от них из страха, тем более что накануне, несмотря на захват возвышенностей, они не завязали сражения; но может быть, у них появилась уверенность, что римлян можно отрезать от хлеба. Во всяком случае, они изменили свой план, повернули назад и начали наседать на наш арьергард и беспокоить его.

XXIV

Заметив это, Цезарь повел свои войска на ближайший холм и выслал конницу, чтобы сдерживать нападения врагов. Тем временем сам он построил в три линии на середине склона свои четыре старых легиона, а на вершине холма поставил два легиона, недавно набранные им в Ближней Галлии, а также все вспомогательные отряды, заняв таким образом всю гору людьми, а багаж он приказал снести тем временем в одно место и прикрыть его полевыми укреплениями, которые должны были построить войска, стоявшие наверху. Последовавшие за ним вместе со своими телегами гелветы также направили свой обоз в одно место, а сами отбросили атакой своих тесно сомкнутых рядов нашу конницу и, построившись фалангой, пошли в гору на нашу первую линию.

XXV

Цезарь приказал прежде всего увести своего коня, а затем и лошадей всех остальных командиров, чтобы при одинаковой для всех опасности отрезать всякие надежды на бегство; ободрив после этого солдат, он начал сражение. Так как солдаты пускали свои тяжелые копья сверху, то они без труда пробивали неприятельскую фалангу, а затем обнажили мечи и бросились в атаку. Большой помехой в бою для галлов было то, что римские копья иногда одним ударом пробивали несколько щитов сразу и таким образом пригвождали их друг к другу, а когда острие загибалось, то его нельзя было вытащить, и бойцы не могли с удобством сражаться, так как движения левой рукой были затруднены; в конце концов многие, долго тряся рукой, предпочитали бросать щит и сражаться, имея все тело открытым. Сильно израненные, они наконец начали подаваться и отходить на ближайшую гору, которая была от них на расстоянии около одной мили, и ее заняли.

Когда к ней стали подступать наши, то бои и тулинги, замыкавшие и прикрывавшие в количестве около пятнадцати тысяч человек неприятельский арьергард, тут же на походе зашли нашим в незащищенный фланг и напали на них. Когда это заметили те гельветы, которые уже отступили на гору, то они стали снова наседать на наших и пытаться возобновить бой. Римляне сделали поворот и пошли на них в два фронта: первая и вторая линии обратились против побежденных и отброшенных гельветов, а третья стала задерживать только что напавших тулингов¹⁹ и боев.

¹⁹ Тулинги (Tulingi) – германское племя, соседи гельветов.

XXVI

Таким образом долго и горячо сражались на два фронта. Но когда наконец враги оказались не в состоянии выдерживать наши атаки, то одни из них отступили на гору, как это было и сначала, а другие обратились к своему обозу и повозкам; в продолжение всего этого сражения, хотя оно шло от седьмого часа до вечера, никто из врагов не показал нам тыла. До глубокой ночи шел бой также и у обоза, так как галлы выставили наподобие вала телеги и с них отвечали на наши атаки обстрелом, причем некоторые из них, расположившись между повозками и телегами, бросали оттуда свои легкие копья и ранили наших. Но после долгого сражения наши овладели и обозом, и лагерем. Тут были взяты в плен дочь и один из сыновей Оргеторига. От этого сражения уцелело около ста тридцати тысяч человек, и они шли всю ночь без перерыва; нигде не останавливаясь ни днем, ни ночью, они на четвертый день дошли до области лингонов²⁰, так как наши были целых три дня заняты ранеными и погребением убитых и потому не могли их преследовать. Цезарь отправил к лингонам гонцов с письменным приказом не помогать гельветам ни хлебом, ни чем-либо иным: тех, кто окажет помощь, он будет рассматривать как врагов наравне с гельветами. Затем сам он по истечении трех дней двинулся со всем своим войском в погоню за ними.

²⁰ Лингоны (Lingones) – племя в Кельтской Галлии (ср. н. Langres).

XXVII

Доведенные таким образом до полной крайности, гельветы отправили к Цезарю послов с предложением сдачи. Они встретились с ним на походе, бросились к его ногам и со слезами покорно молили о мире. Он приказал им ждать его прихода на том месте, где они теперь находятся. Они повиновались. Прибыв туда, Цезарь потребовал от них заложников, а также выдачи оружия и перебежавших к ним рабов. Пока все это разыскивали и собирали в одно место, наступила ночь, и около шести тысяч человек из так называемого Вербигенского пага в самом же начале ночи оставили гельветский лагерь и направились к Рейну и в страну германцев, может быть, из страха, что по выдаче оружия их перебьют, а может быть, в надежде на спасение, так как при очень большой массе сдававшихся их бегство могло бы быть скрыто или даже совсем остаться незамеченным.

XXVIII

Как только Цезарь узнал об этом, он приказал тем племенам, через страну которых они шли, разыскать их и вернуть назад, если они желают перед ним оправдаться. С возвращенными он поступил как с врагами, а сдачу всех остальных принял по выдаче заложников, оружия и перебежчиков. Гельветам, тулингам и латовикам он велел вернуться на их покинутую родину, а так как по уничтожении всего урожая им дома нечего было есть, то приказал аллоброгам дать им нужный запас провианта; сожженные ими города и села они должны были отстроить сами. Это он сделал главным образом из нежелания, чтобы покинутая гельветами страна оставалась пустой; иначе вследствие доброкачественности почвы могли бы переселиться в страну гельветов зарейнские германцы и, таким образом, сделались бы соседями Галльской Провинции и аллоброгов. На просьбу эдуев поселить в их стране известных своей выдающейся храбростью боев он изъявил согласие. Они отвели им землю и впоследствии приняли их в свою общину, дав им те же права и свободу, какими пользовались сами.

XXIX

В лагере гельветов были найдены и доставлены Цезарю списки, написанные греческими буквами. В них были поименно подсчитаны все вообще выселившиеся и отдельно указано число способных носить оружие, а также детей, стариков и женщин. В итоге оказалось: гельветов двести шестьдесят три тысячи, тулингов тридцать шесть тысяч, латовиков четырнадцать тысяч, рауриков двадцать три тысячи, боев тридцать две тысячи; из них около девяноста двух тысяч способных носить оружие. А в общем итоге – триста шестьдесят восемь тысяч. Число вернувшихся домой, по переписи, произведенной по приказу Цезаря, оказалось сто десять тысяч.

XXX

По окончании войны с гельветами к Цезарю явились с поздравлениями, в качестве представителей почти всей Галлии, князья общин. *Хотя он, говорили они, войной покарал гельветов за старые обиды, причиненные ими римскому народу, но они понимают, что такой исход столько же полезен для галльской земли, сколько для римского народа, так как гельветы, жившие у себя на родине в полном благополучии, покинули ее только с тем намерением, чтобы открыть войну против всей Галлии и подчинить ее своей власти, а затем из многих доставшихся им галльских областей выбрать себе для жительства самую удобную и плодородную и все остальные племена сделать своими данниками.* Вместе с тем они просили у Цезаря разрешения и согласия на созыв к определенному дню представителей всей Галлии: *по некоторым вопросам они желали бы, согласно с общим решением этого собрания, обратиться к нему с просьбой.* Получив это позволение, они установили день для собрания и обязались взаимной клятвой, что никто, за исключением лиц, на то официально уполномоченных, не будет разглашать постановлений собрания.

XXXI

Когда это собрание разошлось, то те же князья общин, которые перед этим были у Цезаря, вернулись к нему и попросили у него позволения переговорить с ним о существенных интересах не только своих личных, но и всей Галлии. Получив это разрешение, они все со слезами бросились перед Цезарем на колени и сказали, что они столь же настойчиво стремятся к сохранению в тайне своих сообщений, как к исполнению своих желаний, потому что в случае разглашения тайны им, несомненно, предстоит мучительнейшая смерть. Тогда от лица их взял слово эдуй Дивитиак. *Вся Галлия, говорил он, распадается на две партии: во главе одной стоят эдуи, во главе другой – арверны*²¹. Они много лет вели друг с другом ожесточенную борьбу за господство, и дело кончилось тем, что арверны и секваны наняли на свою службу германцев. Последние перешли через Рейн сначала в количестве около пятнадцати тысяч человек; но когда этим грубым варварам полюбили галльские поля, образ жизни и благосостояние, их перешло еще больше; и теперь в Галлии их уже около ста двадцати тысяч человек. Эдуи и их клиенты неоднократно вели с ними вооруженную борьбу, но в конце концов потерпели тяжкое поражение и лишились всей знати, всего сената и всей конницы. Эдуи, когда-то самые могущественные во всей Галлии благодаря своей храбрости, а также узам гостеприимства и дружбы с римским народом, были сломлены этими роковыми сражениями и вынуждены были дать в заложники секванам своих знатнейших граждан, а кроме того, обязать свою общину клятвой – никогда не требовать назад заложников, не молить римский народ о помощи и не отказывать в полном и неизменном повиновении их неограниченной власти. Он, Дивитиак, оказался единственным человеком во всей общине эдуев, которого не удалось принудить ни к этой клятве, ни к выдаче детей своих в заложники. Поэтому он бежал из своей общины и прибыл в Рим просить сенат о помощи, так как он один не связан ни клятвой, ни заложниками. Впрочем, с победителями секванами случилось нечто худшее, чем с побежденными эдуями: в их стране утвердился германский царь Ариовист, занял треть земли секванов, самой лучшей во всей Галлии, и теперь приказывает секванам очистить еще одну треть, так как несколько месяцев тому назад к нему прибыло двадцать четыре тысячи гарудов²², которым должна быть предоставлена земля для поселения. Дело кончится тем, что через немного лет все галлы будут выгнаны из своей страны и все германцы перейдут через Рейн, ибо нельзя и сравнивать галльскую землю с германской, равно как и галльский образ жизни с германским. Ариовист со времени своей победы над галльскими войсками при Магетобриге властвует высокомерно и жестоко, он требует в заложники детей самых знатных граждан и подвергает их для примера жесточайшим наказаниям, если что-либо делается не по его повелению и воле. Это – человек дикий, вспыльчивый и вздорный: его деспотизма они выносить дальше не могут. Если они не найдут помощи у Цезаря или у римского народа, то всем галлам придется последовать примеру гельветов, именно – покинуть родной дом, искать себе другой земли, другого местожительства подальше от германцев и испытать все, что выпадет на их долю. Если все это будет сообщено Ариовисту, то он, несомненно, подвергнет жесточайшей казни всех находящихся у него заложников. Только Цезарь своим личным авторитетом, внушительным войском, недавней победой и самим именем римского народа может остановить германцев от переселения в еще большем количестве за Рейн и защитить всю Галлию от обид со стороны Ариовиста.

²¹ Арверны (Arverni) – могущественное племя в Кельтской Галлии по реке Элаверу с главным городом Герговией, в графстве Оверни (départ. Puy-de-Dôme).

²² Гаруды (Harudes) – германское племя, жившее между Рейном, Майном и Дунаем.

XXXII

После этой речи Дивитиака все присутствующие с громким плачем стали просить Цезаря о помощи. Цезарь заметил, что только секваны не делают того, что другие, но с опущенной головой печально смотрят в землю. Он с удивлением спросил их о причине такого поведения. Секваны ничего не отвечали, но продолжали молчать и оставались печальными, как прежде. Он несколько раз повторил свой вопрос, но так и не добился от них ни звука. Тогда тот же эдуй Дивитиак ответил: судьба секванов тем печальнее и тяжелее положения остальных галлов, что они даже тайно не смеют жаловаться и молить о помощи: Ариовист страшен для них своей жестокостью даже заочно, как если бы он сам был перед ними. Ведь все остальные имеют возможность хоть бежать, секванам же придется претерпеть всякие мучения, так как они приняли Ариовиста в свою страну и все их города находятся в его власти.

XXXIII

После этих сообщений Цезарь ободрил галлов и обещал позаботиться об этом деле: *он питает, говорил он, большие надежды на то, что Ариовист благодаря услугам и авторитету его, Цезаря, прекратит свои обиды.* С этими словами он распустил собрание. Но и помимо того многие другие соображения побуждали его подумать об этом деле и взять его на себя: прежде всего, он видел, что эдуи, которые неоднократно получали от нашего сената титул единокровных братьев римского народа, состоят в рабстве и в полном подчинении у германцев и их заложники находятся в руках Ариовиста и секванов; а это, при величии власти римского народа, он считал величайшим позором для себя и для государства. Далее он понимал, что для римского народа представляет большую опасность развивающаяся у германцев привычка переходить через Рейн и массами селиться в Галлии: понятно, что эти дикие варвары после захвата всей Галлии не удержатся – по примеру кимбров²³ и тевтонов²⁴ – от перехода в Провинцию и оттуда в Италию, тем более что секванов отделяет от нашей Провинции только река Родан. Все это, по мнению Цезаря, необходимо было как можно скорее предупредить. Но и сам Ариовист успел проникнуться таким высокомерием и наглостью, что долее терпеть такое его поведение не представлялось возможным.

²³ Кимбры (Сimbri) – германское племя, жившее в Северной Ютландии. В 113 г. до н. э. вместе с тевтонами двинулись на юг и опустошили Галлию.

²⁴ Тевтоны (Teutoni) – германское (или, может быть, кельтское) племя.

XXXIV

Поэтому Цезарь решил отправить к Ариовисту послов с требованием выбрать какое-либо место, одинаково от них обоих удаленное, для переговоров, которые он желает вести с ним о делах государственных и по вопросам, очень важным для них обоих лично. Этому посольству Ариовист ответил: *если бы ему самому был нужен Цезарь, то он к нему и явился бы, а если Цезарю что-либо от него угодно, то он должен прийти к нему. Кроме того, он не решился бы явиться без войска в те части Галлии, которыми владеет Цезарь, да и войско он не может стянуть в одно место без провианта и без сложных приготовлений. Ему только удивительно, какое дело Цезарю и вообще римскому народу до его Галлии, которую он победил войной.*

XXXV

Когда этот ответ был сообщен Цезарю, то он снова отправляет к Ариовисту послов со следующим поручением: *за великую милость со стороны его, Цезаря, и римского народа, именно – за то, что в его консульство сенат признал его царем и союзником, – чем Ариовист отблагодарил теперь его и римский народ – отказом от приглашения явиться для переговоров и нежеланием высказаться по вопросам, общим для них, и даже познакомиться с ними! Поэтому Цезарь предъявляет ему следующие требования: во-первых, он не должен производить никаких дальнейших массовых переселений через Рейн в Галлию; далее он должен возвратить эдуям их заложников, а секванам разрешить вернуть – с его соизволения – эдуям имеющихся от них заложников; не беспокоить эдуев какими-либо враждебными действиями и не идти войной на них и их союзников. Если Ариовист удовлетворит эти требования, то у него навсегда сохранятся добрые отношения и дружба с Цезарем и с народом римским; но если Цезарь не получит удовлетворения, то он не сочтет себя вправе закрывать глаза на обиды, чинимые эдуям, так как в консульство М. Мессалы и М. Писона сенат постановил, что каждый наместник Провинции Галлии обязан защищать эдуев и остальных друзей римского народа соответственно интересам республики.*

XXXVI

На это Ариовист отвечал: *право войны позволяет победителям распоряжаться с побежденными, как им угодно; так и римский народ привык распоряжаться с побежденными не по чуждому предписанию, но по собственному усмотрению. Если сам он не предписывает римскому народу способов осуществления его права, то и римский народ не должен мешать ему пользоваться своим законным правом. Эдуи сделали его данниками потому, что они решили испытать военное счастье, вступили в бой и были побеждены. Цезарь совершает большую несправедливость, уменьшая своим прибытием его доходы. Эдуям он заложников не возвратит, но не намерен без законного основания открывать войну ни против них, ни против их союзников, если они будут оставаться верными условиям договора и ежегодно платить дань; в противном случае им нисколько не поможет титул братьев римского народа. Правда, Цезарь заявляет ему, что не будет закрывать глаза на обиды, чинимые эдуям, но для всех, кто до сих пор вступал с ним, Ариовистом, в борьбу, эта борьба была гибельной. Пусть Цезарь идет, когда хочет; он тогда убедится, что значит храбрость непобедимых германцев, этих очень опытных воинов, которые за последние четырнадцать лет совсем не бывали под кровлей дома.*

XXXVII

Как раз в то же самое время, когда Цезарь получил этот ответ, пришли послы от эдуев и от треверов²⁵, – эдуи с жалобой на то, что переведенные недавно в Галлию гаруды опустошают их землю: хотя они дали Ариовисту заложников, но даже и этим не могли купить у него мира; а треверы жаловались, что сто свебских пагов расположились на берегу Рейна с намерением перейти через него: во главе их стоят братья Насуя и Кимберий. Эти сообщения очень встревожили Цезаря, и он счел нужным немедленно принять необходимые меры: иначе эти новые полчища свебов²⁶могут соединиться со старыми войсками Ариовиста и дать им отпор будет уже нелегко. Поэтому он со всей поспешностью обеспечил себя продовольствием и ускоренным маршем двинулся на Ариовиста.

²⁵ Треверы (Treveri) – племя в Кельтской Галлии, по обоим берегам Мозеля, откуда нынешнее название города.

²⁶ Свебы (Suebi) – крупное германское племя.

XXXVIII

После трехдневного марша его известили о том, что Ариовист со всеми своими силами направляется для захвата главного города секванов – Весонтиона – и уже отошел на три дневных перехода от границ своей страны. Занятие этого города Цезарь считал нужным всячески предупредить. Именно здесь легко можно было найти много всяких военных запасов, и уже по самому характеру местности город был так защищен, что открывал полную возможность затянуть войну. Действительно, он почти весь опоясан, точно по циркулю, рекой Дубисом; единственный доступ к нему – не более тысячи шестисот футов шириной, – который река оставляет открытым, занят высокой горой, причем ее подошва с обеих сторон подходит к берегам реки. Окружающая эту гору стена делает из нее крепость и соединяет ее с городом. Цезарь двинулся сюда ускоренным маршем, не прекращая его ни днем, ни ночью, и, заняв город, поставил в нем гарнизон.

XXXIX

В то время как Цезарь задержался на несколько дней под Весонтионом для урегулирования продовольствия и подвоза, наши расспрашивали о германцах галлов и купцов. Последние заявляли, что германцы отличаются огромным ростом, изумительной храбростью и опыtnостью в употреблении оружия; в частых сражениях с ними галлы не могли выносить даже выражения их лица и острого взора. Вследствие этих рассказов всем войском вдруг овладела такая робость, которая немало смутила все умы и сердца. Страх обнаружился сначала у военных трибунов, начальников отрядов и других, которые не имели большого опыта в военном деле и последовали из Рима за Цезарем только ради дружбы с ним. Последние под разными предложениями стали просить у него позволения уехать в отпуск по неотложным делам; лишь некоторые оставались из стыда, не желая навлечь на себя подозрение в трусости. Но они не могли изменить выражение лица, а подчас и удержаться от слез; забиваясь в свои палатки, они либо в одиночестве жаловались на свою судьбу, либо скорбели с друзьями об общей опасности. Везде во всем лагере составлялись завешания. Трусливые возгласы молодежи стали мало-помалу производить сильное впечатление даже на очень опытных в лагерной службе людей: на солдат, центурионов, начальников конницы. Те из них, которые хотели казаться менее трусливыми, говорили, что они боятся не врага, но трудных перевалов и обширных лесов, отделяющих римлян от Ариовиста, и что опасаются также за правильность подвоза провианта. Некоторые даже заявили Цезарю, что солдаты не послушаются его приказа сняться с лагеря и двинуться на врага и из страха не двинутся.

XL

Заметив все это, Цезарь созвал военный совет, на который пригласил также центурионов всех рангов, и в гневных выражениях высказал порицание прежде всего за то, что они думают, будто их дело – спрашивать и раздумывать, куда и с какой целью их ведут. *В его консульство Ариовист усердно домогался дружбы римского народа; откуда же можно заключить, что он теперь без всяких оснований откажется от своих обязательств? Он, по крайней мере, держится того убеждения, что как только Ариовист познакомится с его требованиями и удостоверится в их справедливости, он не станет отталкивать от себя расположения его, Цезаря, и римского народа. Но если даже под влиянием бешенства и безумия он действительно начнет войну, так чего же они, в конце концов, боятся? И зачем они отчаиваются в своей собственной храбрости и в осмотрительности своего полководца? Ведь с этим врагом померились на памяти наших отцов, когда Г. Марий разбил кимбров и тевтонов и войско явно заслужило не меньшую славу, чем сам полководец; померились недавно и в Италии во время восстания рабов, когда ему все-таки некоторую пользу принес полученный от нас опыт и дисциплина. В конце концов они одолели врага, несмотря на его вооружение и победы, хотя перед этим некоторое время без всякого основания боялись его, даже пока он был плохо вооружен. По этому можно судить, сколько выгоды заключает в себе стойкость. Наконец, это все тот же враг, над которым часто одерживали победы гельветы, и притом не только на своей, но по большей части на его земле, а ведь гельветы никогда не могли устоять против нашего войска. Но если некоторых смущает неудачное сражение и бегство галлов, то, разобрав дело, они поймут, что галлы были утомлены продолжительной войной. Ариовист же много месяцев подряд не выходил из своего лагеря и из болот и не давал случая сразиться с ним; они уже потеряли всякую надежду на сражение и рассеялись, когда он внезапно напал на них и одержал победу не столько храбростью, сколько хитрым расчетом. Но если расчет этот был уместен в борьбе с неопытными варварами, то и сам Ариовист не надеется провести им наше войско. А те, которые прикрывают свой страх лицемерной тревогой за продовольствие или ссылкой на трудные перевалы, те позволяют себе большую дерзость, отчаиваясь в верности полководца своему долгу и осмеливаясь давать ему предписания. Это его дело. Хлеб ему доставляют секваны, леуки²⁷ и лингоны, и он на полях уже созрел; а о состоянии путей они скоро сами получают представление. А что будто бы его не послушают и на неприятеля не пойдут, то эти разговоры его нисколько не волнуют: он знает, что те, кого не слушалось войско, не умели вести дело и им изменяло счастье; или же это были люди, известные своей порочностью и явно избалованные в корыстолюбии; но его собственное бескорыстие засвидетельствовано всей его жизнью, а его счастье – войной с гельветами. Поэтому то, что он предполагал отложить на более отдаленный срок, он намерен осуществить теперь, и в ближайшую же ночь, в четвертую стражу, снимется с лагеря, чтобы как можно скорее убедиться в том, что в них сильнее: чувство чести и долга или трусость. Если за ним вообще никто не пойдет, то он выступит хотя бы с одним 10-м легионом: в нем он уверен, и это будет его преторской когортой. Надо сказать, что этому легиону Цезарь всегда давал особые льготы и благодаря его храбрости очень на него полагался.*

²⁷ Леуки (Leuci) – кельтское племя в Южной Лотарингии.

XLI

Эта речь вызвала удивительную перемену в настроении всего войска и пробудила весьма большую бодрость и боевой пыл. Прежде всего 10-й легион принес ему через военных трибунов благодарность за очень лестный отзыв и уверил в своей готовности к бою. Затем и остальные легионы просили своих военных трибунов и центурионов первых рангов оправдаться от их лица перед Цезарем и указать, что у них никогда не было ни колебаний, ни страха, но они всегда думали, что высшее руководство войной принадлежит не им, а полководцу. Приняв это оправдание, Цезарь поручил Дивитиаку, которому доверял более, чем кому-либо другому, обследовать путь, с тем чтобы можно было вести войско по открытой местности, но с обходом в пятьдесят с лишком миль. После этого он, как и сказал раньше, выступил в четвертую стражу. На седьмой день безостановочного марша он получил известие от разведчиков, что войска Ариовиста находятся от нас в двадцати четырех милях.

XLII

Узнав о приближении Цезаря, Ариовист отправил к нему послов со следующим объяснением: *что касается заявленного раньше Цезарем требования по поводу переговоров, то теперь он ничего не имеет против его исполнения, так как Цезарь подошел ближе, и он думает, что он может сделать это безопасно.* Цезарь не отверг этого предложения и уже думал, что Ариовист готов образумиться, так как теперь он сам обещает то, в чем раньше отказывал, вопреки просьбе Цезаря; он начал даже питать большие надежды на то, что во внимание к великим милостям, полученным от него и от римского народа, Ариовист оставит свое упорство, как скоро познакомится с его требованиями. Переговоры были назначены на пятый день. А тем временем обе стороны часто отправляли друг к другу послов; при этом Ариовист требовал, чтобы Цезарь отнюдь не брал с собой на эти переговоры пехотинцев: *он боится, что Цезарь может коварно заманить его в ловушку; оба они должны явиться только в сопровождении конницы – иначе он не явится.* Так как Цезарь не желал, чтобы под каким бы то ни было предлогом переговоры не состоялись, и вместе с тем не решался доверить жизнь свою галльской коннице, то он признал наиболее целесообразным спешить всю галльскую конницу и на ее коней посадить своих легионеров 10-го легиона, на который он безусловно полагался, чтобы в случае надобности иметь при себе самую преданную охрану. По этому поводу один солдат 10-го легиона не без остроумия заметил: *Цезарь делает больше, чем обещал: он обещал сделать 10-й легион своей преторской когортой, а теперь зачисляет его во всадники.*

XLIII

Была большая равнина и на ней довольно высокий земляной холм. Это место находилось почти на одинаковом расстоянии от лагерей Цезаря и Ариовиста. Сюда они и явились для переговоров, как условились раньше. Легиону, посаженному на коней, Цезарь приказал остановиться в двухстах шагах от холма. На таком же расстоянии остановились и всадники Ариовиста. Ариовист потребовал, чтобы оба они беседовали верхом и чтобы каждый взял с собой на переговоры еще по десять человек. Когда наконец они друг с другом встретились, Цезарь в начале своей речи упомянул о милостях, оказанных Ариовисту им и сенатом. Он указывал, что *Ариовист получил от нашего сената титул царя и друга и что ему посылались самые почетные дары; это отличие, говорил он, лишь немногим доставалось на долю и обыкновенно дается в награду только за большие заслуги. Хотя Ариовист не имел ни повода, ни законного основания для подобных притязаний, однако он получил такое отличие только благодаря милости и щедрости Цезаря и сената. Цезарь ссылался и на то, как давно и как законно существует близкая связь у римлян с эдуями, как часто в самых лестных выражениях составлялись постановления сената по отношению к эдуям; как эдуи еще до заключения с нами дружественного союза всегда занимали первое место во всей Галлии. Римский народ привык заботиться о том, чтобы его союзники и друзья не только не теряли ничего своего, но чтобы, наоборот, усиливались в своем влиянии, видном положении и почете: кто мог бы потерпеть, чтобы у них было отнято то, чем они владели к моменту заключения дружественного союза с римским народом? Наконец, Цезарь повторил те требования, которые он заявлял раньше через послов: Ариовист не должен идти войной ни на эдуев, ни на их союзников и обязан вернуть заложников; если он не может хоть некоторую часть германцев отправить обратно на родину, то пусть он, по крайней мере, не допускает их дальнейшего перехода через Рейн.*

XLIV

На требования Цезаря Ариовист дал короткий ответ, но зато подробно распространялся о своих достоинствах: *он перешел через Рейн не по своему побуждению, но по просьбе и приглашению галлов; не без больших надежд и расчета на важные выгоды он оставил родину и близких; места для жительства в Галлии уступлены ему самими галлами, заложники даны по их доброй воле; дань он берет по праву войны, именно ту, которую победители обыкновенно налагают на побежденных. Не он начал войну с галлами, а галлы с ним: все галльские общины выступили против него и стали лагерем; но все эти силы были им разбиты и побеждены в одном сражении. Если они снова хотят с ним померяться, то и он снова готов сразиться; если же хотят иметь мир, то несправедливо отказывать в дани, которую они до сих пор платили добровольно. Дружба римского народа должна служить ему украшением и защитой, а не приносить вред: с этим расчетом он и искал ее. Если по милости римского народа дань будет сложена, а сдавшиеся будут у него отобраны, то он откажется от дружбы с римским народом столь же охотно, как искал ее. Что он переводит в Галлию массу германцев – это он делает для своей безопасности, а не для завоевания Галлии: доказательством служит то, что он пришел сюда по просьбе галлов и вел войну не наступательную, но оборонительную. Он пришел в Галлию раньше, чем римский народ. До сего времени войско римского народа ни разу не выходило за пределы Провинции Галлии. Что Цезарю нужно? Зачем он вступает в его владения? Эта Галлия – его провинция, как та – римская. Как ему самому не следовало бы позволять вторгаться в наши земли, так и с нашей стороны несправедливо вмешиваться в его права. Цезарь говорит, что сенат назвал эдуев братьями; но он не до такой степени груб и невежествен, чтобы не знать того, что ни в последнюю войну с аллоброгами эдуи не помогали римлянам, ни сами в борьбе с ним и с секванами не пользовались помощью римского народа. Ему приходится догадываться, что дружба с эдуями – простой предлог и что войско, которое Цезарь держит в Галлии, он держит для уничтожения Ариовиста. Если Цезарь не уйдет и не выведет отсюда своего войска, то он будет считать его не другом, а врагом; и если его убьет, то этим доставит удовольствие многим знатным и видным римлянам: это ему известно от их собственных гонцов, и его смертью он мог бы купить расположение и дружбу всех их. Но если Цезарь уйдет и предоставит ему беспрепятственное обладание Галлией, то он отплатит ему большими услугами и все войны, какие Цезарь пожелает вести, доведет до конца без всяких хлопот и риска для Цезаря.*

XLV

Цезарем много было сказано о том, почему он не может отказаться от этого дела: *ни его личная политика, ни политика римского народа не позволяют покидать заслуженных союзников; далее, он не признает за Ариовистом больше прав на Галлию, чем за римским народом. Кв. Фабий Максим победил арвернов и рутенов²⁸, однако римский народ простил их, не обратил их страны в свою провинцию и не обложил данью. Если считаться с давностью, то власть римского народа над Галлией более законна, чем какая бы то ни было другая; а если усвоить себе точку зрения римского сената, то Галлия должна быть свободной, так как, несмотря на победу над ней, он оставил за ней самоуправление.*

²⁸ Рутены (Ruteni) – кельтское племя, принадлежащее отчасти к Провинции, с главным городом civitas Rutenorum, или Segodunum, н. Rhodéz, dép. Aveyron.

XLVI

В этот момент беседы Цезарю дали знать, что всадники Ариовиста приближаются к холму, насакивают на наших и пускают в них камни и копья. Цезарь прекратил переговоры, отступил к своим и отдал им строжайший приказ не отвечать на неприятельские выстрелы. Хотя он видел, что сражение с конницей отнюдь не опасно для отборного легиона, но считал недопустимым, чтобы после поражения врагов могли говорить, что он во время переговоров напал на них вероломно. В солдатской среде скоро стало известно, с какой наглостью Ариовист отказывал римлянам в каких бы то ни было правах на Галлию, как его всадники напали на наших и как этим переговоры были прерваны. Все это подняло в войске бодрость и боевой пыл.

XLVII

На другой день Ариовист отправил к Цезарю послов с заявлением, что он желает продолжать начатые, но еще не оконченные переговоры: пусть Цезарь снова назначит для них день, или, если он этого не желает, пусть пришлет послом кого-либо из своих приближенных. Но Цезарь не видел оснований для возобновления переговоров, тем более что уже накануне германцев нельзя было удержать от обстреливания наших. Отправить послом кого-либо из своих – это значило подвергнуть посла большой опасности и отдать в жертву людям диким. Наиболее целесообразным показалось послать к нему Г. Валерия Прокилла, сына Г. Валерия Кабура, и М. Меттия. Первый был очень храбрым и образованным молодым человеком, отец которого получил римское гражданство от Г. Валерия Флакка; он пользовался доверием Цезаря и, сверх того, знал галльский язык, на котором Ариовист бегло говорил от давнего пребывания в Галлии. Наконец, у германцев не было причины оскорбить его. А Меттий был связан с Ариовистом узами гостеприимства. Цезарь поручил им узнать, что говорит Ариовист, и сообщить ему. Но когда Ариовист увидел их у себя в лагере, то он закричал в присутствии своего войска: зачем они пришли к нему? Может быть, шпионить? Они пытались было отвечать, но он не дал им говорить и приказал наложить на них цепи.

XLVIII

В тот же день он двинулся вперед и стал лагерем в шести милях от лагеря Цезаря под горой. На следующий день он провел свои войска мимо лагеря Цезаря и разбил свой лагерь в двух милях сзади него, чтобы отрезать Цезаря от хлеба и другого провианта, подвозимого из страны секванов и эдуев. С этого дня Цезарь в течение пяти дней подряд выводил свои войска и выстраивал их перед лагерем, чтобы дать Ариовисту сражение, если он того захочет. Но Ариовист все эти дни держал войско в лагере и завязывал ежедневно только конные стычки. Это был особый род сражений, в котором германцы были опытни. У них было шесть тысяч всадников и столько же особенно быстрых и храбрых пехотинцев, которых каждый всадник выбирал себе по одному из всей пехоты для своей личной охраны: эти пехотинцы сопровождали своих всадников в сражениях. К ним всадники отступали: если положение становилось опасным, то пехотинцы ввязывались в бой; когда кто-либо получал тяжелую рану и падал с коня, они его обступали; если нужно было продвинуться более или менее далеко или же с большой поспешностью отступить, то они от постоянного упражнения проявляли такую быстроту, что, держась за гриву коней, не отставали от всадников.

XLIX

Видя, что Ариовист не покидает своего лагеря, Цезарь выбрал, во избежание дальнейшей задержки провианта, удобное место для лагеря по ту сторону лагеря германцев, приблизительно в шестистах шагах от него, и двинулся туда в боевом порядке тремя линиями. Первой и второй линиям приказано было стоять под оружием, а третьей укреплять лагерь. Это место, как упомянуто было, отстояло от неприятеля приблизительно на шестьсот шагов. Ариовист послал туда около шестнадцати тысяч человек налегке со всей конницей, чтобы наводить на наших страх и мешать постройке укреплений. Тем не менее Цезарь не отменил своего прежнего распоряжения и приказал двум линиям отражать врага, а третьей оканчивать работу. Укрепив лагерь, он оставил там два легиона и часть вспомогательных войск, а остальные четыре отвел назад в главный лагерь.

Л

На следующий день Цезарь, по своему обыкновению, вывел из обоих лагерей свои войска, немного продвинулся от своего главного лагеря и таким образом снова дал врагам случай сразиться. Но заметив, что они все-таки не выходят из своего лагеря, он около полудня отвел войско назад в лагерь. Только тогда Ариовист двинул часть своих сил на штурм малого лагеря. С обеих сторон завязался продолжавшийся вплоть до вечера ожесточенный бой. При заходе солнца Ариовист, после больших потерь с той и другой стороны, отвел свои войска назад в лагерь. Цезарь стал спрашивать пленных, почему Ариовист уклоняется от решительного сражения; они объяснили это тем, что, по существующему у германцев обычаю, их замужние женщины объясняют на основании метания жребия и предсказаний, выгодно ли дать сражение или нет; и вот теперь они говорят, что германцам не суждено победить, если они дадут решительное сражение до новолуния.

LI

На следующий день Цезарь, оставив для того и другого лагеря достаточное прикрытие, все вспомогательные войска расположил перед малым лагерем на виду у врагов. Эти вспомогательные войска он употребил в дело только для виду, так как численностью легионной пехоты он слишком уступал превосходившему его врагу. А сам он, построив войско в три линии, вплотную подошел к лагерю врагов. Только тогда германцы уже по необходимости вывели из лагеря свои силы и поставили их по племенам на одинаковом расстоянии друг от друга: это были гаруды, маркоманы²⁹, трибоки³⁰, вангионы³¹, неметы³², седусии³³ и свебы. Все свое войско они окружили повозками и телегами, чтобы не оставалось никакой надежды на бегство. На них они посадили женщин, которые простирали руки к уходившим в бой и со слезами молили их не предавать их в рабство римлянам.

²⁹ Маркоманы (Marcomanni) – германский народ между Рейном, Майном и Дунаем.

³⁰ Трибоки (Triboci) – племя в Кельтской Галлии между Вогезами и Рейном.

³¹ Вангионы (Vangiones) – германское племя в Кельтской Голлии, между Рейном и нижним течением Мозеля с городом Borbetomagus, н. Worms.

³² Неметы (Nemetes) – племя в Кельтской Галлии.

³³ Седусии (Sedusii) – германское племя у р. Майна.

ЛII

Цезарь назначил командирами отдельных легионов легатов и квестора, чтобы каждый солдат имел в их лице свидетелей своей храбрости, а сам начал сражение на правом фланге, так как заметил, что именно здесь неприятели всего слабее. Наши по данному сигналу атаковали врага с таким пылом и со своей стороны враги так внезапно и быстро бросились вперед, что ни те, ни другие не успели пустить друг в друга копий. Отбросив их, обнажили мечи, и начался рукопашный бой. Но германцы, по своему обыкновению, быстро выстроились фалангой и приняли направленные на них римские мечи. Из наших солдат оказалось немало таких, которые бросались на фалангу, руками оттягивали щиты и наносили сверху раны врагам. В то время как левый фланг неприятелей был разбит и обращен в бегство, их правый фланг своим численным превосходством сильно теснил наших. Это заметил начальник конницы, молодой П. Красс, который был менее занят, чем находившиеся в бою, и двинул в подкрепление нашему теснимому флангу третью (резервную) линию.

LIII

Благодаря этому сражение возобновилось. Все враги обратились в бегство и прекратили его только тогда, когда достигли реки Рейна приблизительно в пяти милях отсюда. Там лишь очень немногие, в надежде на свою силу, попытались переплыть на другой берег или же спаслись на лодках, которые нашлись там. В числе их был и Ариовист, который нашел маленькое судно и на нем спасся бегством; всех остальных наша конница догнала и перебила. У Ариовиста было две жены, одна из племени свебов, которую он взял с собой из дому, а другая норийка, сестра царя Воккиона, который прислал ее в Галлию, где Ариовист и женился на ней. Обе они во время бегства погибли. Было и две дочери: одна из них была убита, другая взята в плен. Г. Валерий Прокилл, которого его сторожа во время бегства тащили на трех цепях, наткнулся на самого Цезаря, когда последний со своей конницей преследовал врага. Эта встреча доставила Цезарю не меньшее удовольствие, чем сама победа: таким образом этот весьма почтенный в Провинции Галлии человек, его друг и гостеприимец, вырвался из рук врагов и возвращен ему, и судьба, избавив его от гибели, ничем не омрачила великой радости ликования по случаю победы. Прокилл рассказывал, что в его присутствии о нем трижды бросали жребий – казнить ли его немедленно сожжением или же отложить казнь на другое время: он уцелел по милости этих гаданий. Точно так же и М. Метгий был найден и приведен к Цезарю.

LIV

Когда известие об этом сражении проникло за Рейн, то уже достигшие его берегов свебы начали возвращаться на родину. Воспользовавшись их паникой, на них напали убии³⁴, жившие ближе других к Рейну, и многих из них перебили. Таким образом Цезарь окончил в одно лето две очень большие войны и потому несколько раньше, чем этого требовало время года, отвел войско на зимние квартиры к секванам. Комендантом зимнего лагеря он назначил Лабиена, а сам отправился в Ближнюю Галлию для судопроизводства.

³⁴ Убии (Ubi) – германское племя на правом берегу Рейна между Майном и Ланом.

Книга вторая

Содержание

Поход против бельгов (гл. 1–33):

а) покорение западных бельгов (гл. 1–15);

б) победа над нервиями и их союзниками (гл. 16–28);

в) покорение адуатуков (гл. 29–33).

Покорение аремарийских племен (гл. 34).

Покорение германских племен. Отъезд Цезаря в Италию. Благодарственное молебствие (гл. 35)

I

Когда Цезарь находился, как было выше упомянуто, в Ближней Галлии, до него часто доходили слухи, подтверждаемые письменными сообщениями Лабизна, что все бельги (занимавшие, как было выше сказано, треть Галлии) заключают тайные союзы против римского народа и обмениваются заложниками. Указывались следующие причины этих заговоров: *прежде всего, бельги боятся, что после покорения всей Галлии наше войско будет поведено на них; затем их подстрекают некоторые галлы: отчасти это были те, которые были недовольны зимовкой и вообще долговременным пребыванием римского войска в Галлии, подобно тому как до этого они не желали, чтобы в Галлии надолго устраивались германцы; отчасти это были люди, стремившиеся к перевороту по легкомыслию и непостоянству; наконец, некоторые агитировали потому, что в Галлии люди могущественные, имеющие средства для содержания наемников, большей частью стремились к захвату царской власти, а при нашем господстве это было для них не так легко.*

II

Встревоженный этими известиями и донесениями, Цезарь набрал в Ближней Галлии два новых легиона и поручил легату Кв. Педию отвести их в начале лета в Дальнюю Галлию, а сам отправился к войску, как только на полях стал накапливаться фураж. Сенонам и остальным галлам, жившим по соседству с бельгами, он дал поручение узнавать, что у них делается, и доводить до его сведения. Они все единогласно сообщили, что там набирают отряды и стягивают войска в одно место. Тогда он уже без дальнейших колебаний решил двинуться против них и, обеспечив себя провиантом, снялся с лагеря и дней через пятнадцать достиг бельгийской границы.

III

Так как он появился там внезапно и скорее, чем его могли ожидать, то ближайшие соседи бельгов, ремы³⁵, отправили к нему послами первых людей своей общины Иккия и Андекумбория с заявлением, что они *себя и все свое достояние отдают под власть и покровительство римского народа; они не были заодно с остальными бельгами и вообще не вступали ни в какие тайные союзы против римского народа; наоборот, они готовы дать заложников, исполнить все требования, принять римлян в свои города и снабдить их хлебом и другими припасами. Все остальные бельги стоят под оружием, с ними соединились также германцы, живущие по сю сторону Рейна, и у всех них так велико возбуждение, что ремам не удалось отклонить от союза с ними даже своих единокровных братьев суэссионов³⁶, которые имеют общее с ними право и законы и даже общию военную власть и гражданское управление.*

³⁵ Ремы (Remi) – могущественное племя Бельгийской Галлии между Аксоной и Матроной, их города Бибракт (н. Bièvre) и Дурокортор (н. Reims).

³⁶ Суэссионы (Suessiones) – племя в Бельгийской Галлии по обоим берегам Аксоны с городом Новиодуном (Soissons).

IV

На расспросы Цезаря о том, какие именно общины подняли оружие, как они велики и каковы их военные силы, ему отвечали: *большая часть бельгов – по происхождению германцы, которые давно перешли через Рейн и обосновались там вследствие плодородия земли, а прежних обитателей – галлов – выгнали; на памяти отцов наших, во время опустошения всей Галлии, они одни не дали вторгнуться в свою страну тевтонам и кимбрам; вследствие воспоминания об этом событии они присваивают себе большой авторитет в делах войны и очень этим гордятся. Что же касается численности восставших, то ремы утверждали, что она им точно известна, так как их общее происхождение и родственные связи позволили им узнать, какой контингент каждое племя обещало на общем собрании бельгов выставить для войны. Первое место по храбрости, влиянию и численности занимают среди них белловаки³⁷; они могут выставить сто тысяч вооруженных; из них они обещали шестьдесят тысяч человек отборного войска и за это требуют себе верховного руководства войной. Соседи самих ремов – суэссионы; у них больше всех земли, и притом самой плодородной. Еще в наше время у них был царем Дивитиак, обладавший наибольшим в Галлии могуществом: в его руках была власть не только над значительной частью этой местности, но и над Британией. Теперь у них царем Гальба: за его справедливость и ум ему единодушно желают вручить верховное командование. Городов у них всего двенадцать, они обещают пятьдесят тысяч вооруженных, столько же и нервий³⁸, которые у самих бельгов считаются самыми дикими и живут дальше всех. Пятнадцать тысяч обещают атребаты³⁹, десять тысяч – амбианы⁴⁰, двадцать пять – морины⁴¹, семь тысяч – менапии⁴², десять тысяч – калеты⁴³, столько же велиокассы⁴⁴ и веромандуи⁴⁵, восемнадцать – адуатуки⁴⁶; кондрусы⁴⁷, эбуроны⁴⁸, кересы⁴⁹ и пеманы⁵⁰, которые объединяются общим названием германцев, по их мнению, могут дать около сорока тысяч.*

³⁷ Белловаки (Bellovaci) – бельгийское племя, жившее между Соммой, Сенной и Уазой.

³⁸ Нервии (Nervii) – воинственное племя в Бельгийской Галлии между Самброй и Шельдой.

³⁹ Атребаты (Atrebates) – племя в Бельгийской Галлии (н. Artois) с главным городом Неметокенной (н. Arras).

⁴⁰ Амбианы (Ambiani) – бельгийское племя с главным городом Samarobriva, н. Amiens, деп. Somme.

⁴¹ Морины (Morini) – племя на приморском побережье Бельгийской Галлии.

⁴² Менапии (Menapii) – племя в Бельгийской Галлии между Маасом и Шельдой.

⁴³ Калеты (Caleti или Caletes) – ареморийская община в Бельгийской Галлии (в нынешней Нормандии).

⁴⁴ Велиокассы (Velioasses или Velioassii) – ареморийское племя, к северу от Сены, к югу от белловаков, с главным городом Rotomagus, н. Rouen, деп. Seine Inférieure.

⁴⁵ Веромандуи (Viromandui) – племя в Бельгийской Галлии между Шельдой и Уазой (ср. н. Vermandais в Пикардии).

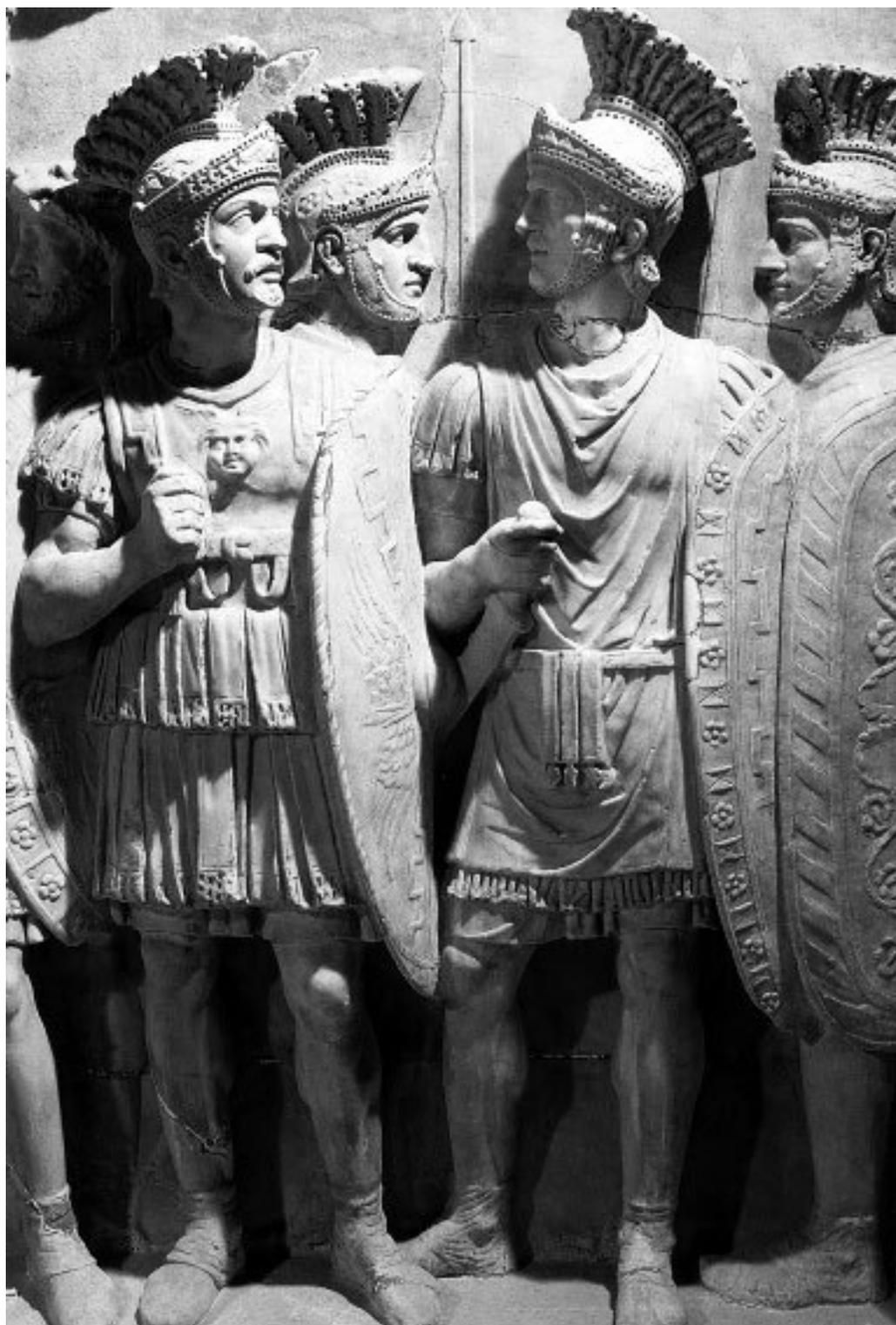
⁴⁶ Адуатуки (Aduatuci) – племя в Бельгийской Галлии, происходившее от кимбров и тевтонов и жившее между Шельдой и Маасом.

⁴⁷ Кондрусы (Condrusi) – германское племя в Бельгийской Галлии; имя его сохранилось в бельгийской местности le Condroz близ Льежа.

⁴⁸ Эбуроны (Eburones) – германское племя в Бельгийской Галлии по Маасу с городом Aduatuca.

⁴⁹ Кересы (Ceutrones) – германское племя в Бельгии.

⁵⁰ Пеманы (Pemani) – племя Кельтской Галлии, жившее в Арденнах (ср. н. Famèpe).

V

Ободрив ремов и отпустив их с дружественными словами, Цезарь приказал всему сенату явиться к нему и потребовал привода детей их князей в качестве заложников. Все это было исполнено ими в точности и к сроку. С особым ободрением Цезарь обратился к эдую Дивити-аку и указал ему, *насколько важно для римского государства и для его общих с эдуями интересов разъединить неприятельские войска, чтобы не пришлось сражаться с этими огромными полчищами одновременно. Это разъединение возможно в том случае, если эдуи со своими войсками вторгнутся в страну белловаков и начнут опустошать их поля.* С этим поручением он его и отпустил. Когда он убедился в том, что бельги стянули все войска в одно место и уже двигаются против него, а от посланных им разведчиков и от ремов узнал, что они уже недалеко, то он поспешил перевести войско через реку Аксону, которая течет на самой границе ремов, и там разбил лагерь. Таким образом, одна сторона лагеря была прикрыта берегами реки, вместе с тем был защищен его тыл и обеспечен безопасный подвоз провианта от ремов и других племен. На этой реке был мост. Там он поставил прикрытие, а на другом берегу реки оставил легата Кв. Титурия Сабина с шестью когортами; свой лагерь он приказал укрепить валом в двенадцать футов высотой и рвом в восемнадцать футов шириной.

VI

От этого лагеря был в восьми милях город ремов Бибракт. Бельги прямо с похода начали ожесточенно штурмовать его, и в этот день осажденные лишь с трудом продержались. У галлов и у бельгов один и тот же способ осады городов. Они массой окружают со всех сторон городские стены и начинают штурмовать их камнями, пока не заставят защитников покинуть свои посты; затем образуют «черепашу» и пытаются поджечь ворота и подрывать стену. На этот раз это было нетрудно. Когда эта огромная масса стала бросать камни и метать копья и стрелы, то держаться на стене не было никакой возможности, и только ночь положила конец этому штурму. Тогдашний комендант города рем Иккий, человек знатный и среди своих популярный, один из участников мирного посольства к Цезарю, послал ему гонца с известием, что если ему не пришлют помощи, то он дольше держаться не может.

VII

Цезарь воспользовался гонцами Иккия в качестве проводников и в этот же день около полуночи послал на помощь горожанам нуикдийских и критских стрелков и балеарских пращников. Их приход поднял у ремов надежду на оборону и возбудил желание дать отпор, а враги по той же причине оставили мысль о захвате города. Поэтому они пробыли еще немного времени под городом, опустошили поля ремов, сожгли все села и усадьбы, в какие только могли проникнуть; затем всей массой двинулись против лагеря Цезаря и разбили свой лагерь менее чем в двух милях от него. Этот их лагерь, судя по дыму и огням, тянулся на восемь с лишком миль в ширину.

VIII

Ввиду численного превосходства на стороне неприятелей и чрезвычайной храбрости, которою они славились, Цезарь сначала решил уклониться от генерального сражения; все-таки посредством ежедневных конных стычек он испытывал храбрость врагов и смелость своих, причем убедился в том, что наши солдаты не уступают неприятелю. Кроме того, и местность перед лагерем по самому своему характеру была очень удобна для того, чтобы выстроить на ней войско в боевом порядке: тот холм, на котором был лагерь Цезаря, постепенно поднимался над долиной; на стороне, обращенной к врагу, он имел в ширину как раз столько места, сколько могло занимать выстроенное войско. С обоих боков холм этот круто обрывался, а спереди спускался в долину слегка и мало-помалу. По обоим его бокам Цезарь провел поперечные рвы около четырехсот шагов в длину, на концах этих рвов заложил редуты и снабдил их тяжелыми орудиями, чтобы после построения войска в боевой порядок превосходившие его численностью враги не могли во время сражения зайти его солдатам во фланги. После этого он оставил два недавно набранных легиона в лагере, чтобы в случае надобности двинуть их в качестве резерва, а остальные шесть легионов выстроил перед лагерем. Враги также вывели из лагеря свое войско и выстроили его.

IX

Между нашим и неприятельским войсками было небольшое болото. Враги ждали, не станут ли наши переходить его, а наши стояли под оружием в полной боевой готовности, чтобы воспользоваться затруднениями врага при переправе, если он ее первый начнет, и тогда атаковать его. Тем временем между обоими войсками шло конное сражение. Но ни те, ни другие не начали переправы, а конное сражение было более благоприятно для нас, и Цезарь отвел своих назад в лагерь. Враги немедленно двинулись отсюда к реке Аксоне, находившейся, как было указано, в тылу нашего лагеря. Там они нашли брод и попытались переправить часть своих сил, чтобы по возможности взять с бою редуты, которыми командовал легат Кв. Титурий, и разрушить мост; а если это не удастся, то опустошить страну ремов, очень полезную для нас в наших военных операциях, и отрезать наших от подвоза.

Х

По получении об этом известия от Титурия Цезарь перевел по мосту всю конницу и легковооруженных нумидийцев, пращников и стрелков и направился против неприятеля. Там завязалось ожесточенное сражение. Наши напали на неприятелей в то время, когда последние были заняты переправой через реку, и довольно много их перебили; остальных, которые делали отчаянные попытки пройти по трупам павших, они отразили градом снарядов; а тех первых, которые успели перейти, окружила конница и перебила. Враги поняли, что обманулись в надежде на взятие города с бою и на переход через реку; они заметили также, что наши не двигаются на неудобное для сражения место, и, кроме того, сами стали ощущать нужду в провианте. Поэтому они созвали собрание и постановили, что лучше всего каждому возвращаться домой, а затем всем и отовсюду собираться для защиты той области, в которую раньше всего вторгнутся с войском римляне; вести войну лучше будет не на чужой, а на своей земле, так как здесь можно будет пользоваться местными запасами провианта. К этому решению, помимо всех других оснований, привело их еще и то обстоятельство, что они узнали о приближении Дивитиака и эдуев к границам области белловаков; убедить их, чтобы они больше не оказывали помощи своим землякам, было уже невозможно.

XI

Согласно с этим постановлением они выступили во вторую стражу из лагеря с большим шумом и криком, без всякого порядка и команды: каждый хотел идти впереди и поскорей добраться до дому. Таким образом, это выступление было похоже на бегство. Об этом Цезарь узнал через лазутчиков, но так как он еще не понимал действительной причины этого отступления, то боялся засады и потому держал свое войско и конницу в лагере. На рассвете известие это было подтверждено разведчиками, и тогда он выслал вперед всю конницу с поручением задерживать неприятельский арьергард. Во главе ее он поставил легатов Кв. Педия и Л. Аурункулея Котту, а легату Т. Лабиезу приказал идти за нею следом с тремя легионами. Они напали на арьергард, много миль преследовали его по пятам и перебили очень многих из тех неприятелей, которые пытались бежать; именно – в то время как последние ряды арьергарда, которые и подверглись нападению, остановились и дали храбрый отпор нашей атаке, шедшие в его голове считали себя вне опасности, и, кроме того, над ними не было ни принуждения, ни командования; поэтому, как только они слышали крики, они все в полном беспорядке стали искать спасения в бегстве. Вследствие этого наши без всякой для себя опасности в продолжение целого дня избивали неприятелей; только перед самым заходом солнца они прекратили бойню и согласно приказу вернулись в лагерь.

XII

На следующий день Цезарь, не давая врагам опомниться от ужаса и бегства, повел войско в землю суэссионов, ближайших соседей ремов, и после большого дневного перехода двинулся против города Новиодуна. Он слышал, что там нет защитников, и попытался было прямо с похода взять его штурмом, но не мог этого сделать даже при малом количестве защитников вследствие глубины рва и высоты стены. Поэтому он приказал укреплять лагерь, подводить подвижные галереи («винеи») и вообще готовить все необходимое для осады. Тем временем вся бежавшая масса суэссионов вошла в ближайшую ночь в город. Немедленно были подведены к городу галереи, насыпан вал и воздвигнуты осадные башни. Эти огромные сооружения, до сего времени невиданные и неслыханные в Галлии, и быстрота, с которой они были построены, произвели на галлов такое сильное впечатление, что они отправили к Цезарю посольство с предложением сдачи и по ходатайству ремов были помилованы.

ХІІІ

Цезарь взял в заложники самых видных граждан, в том числе двух сыновей самого царя Гальбы, приказал выдать все находившееся в городе оружие и принял суессионов на капитуляцию, а затем двинулся с войском в страну белловаков. Они удалились со всем своим достоянием в город Братуспантий. Когда Цезарь находился от него милях в пяти, из города вышли ему навстречу все пожилые люди и, протягивая руки, криками давали понять, что они отдаются во власть и под покровительство римского народа и не оказывают ему вооруженного сопротивления. Когда он подошел к самому городу и стал разбивать лагерь, женщины и дети, протягивая, по своему обычаю, со стен руки, точно так же просили у римлян мира.

XIV

На защиту их выступил Дивитиак, который после ухода бельгов распустил войско эдуев и вернулся к Цезарю: *белловаки, говорил он, всегда соблюдали верность и дружбу по отношению к общине эдуев; они изменили эдуям и пошли войной на римлян только по подстрекательству своих князей, которые говорили, что эдуи поработены Цезарем и терпят от него всевозможные возмутительные оскорбления. Действительные зачинщики, понимая, какую беду они навлекли на свой народ, бежали в Британию. Просят не только белловаки, но за них и эдуи проявить по отношению к ним свойственную ему милость и кротость. Этим он увеличит влияние эдуев у всех бельгов, а их сильную помощью эдуи пользовались во всех войнах, которые им случалось вести.*

XV

Цезарь заявил, что, во внимание к Дивитиаку и эдуям, он готов принять их сдачу и помиловать их. Так как эта большая община отличалась среди бельгов своим влиянием и многочисленностью населения, то он потребовал с нее шестьсот заложников. Их дали, а также выдали все находившееся в городе оружие, и Цезарь двинулся отсюда в пределы амбианов, которые немедленно сдались со всем своим достоянием. С ними граничили нервии. На расспросы об их характере и нравах Цезарь получил следующий ответ: *к ним нет доступа купцам; они категорически воспрещают ввоз вина и других предметов роскоши, так как полагают, что это изнеживает душу и ослабляет храбрость; эти дикие и очень храбрые люди всячески бранят остальных бельгов за то, что они сдались римскому народу и позорно забыли про свою унаследованную от предков храбрость; они ручаются, что ни послов не пошлют, ни каких-либо условий мира не примут.*

XVI

После трехдневного марша по их стране Цезарь узнал от пленных, что не более чем в десяти милях от его лагеря течет река Сабис; за этой рекой засели все нервии и там ожидают приближения римлян – вместе со своими соседями атребатами и веромандуями (тех и других они убедили попытать вместе с ними военное счастье); они поджидают также войско адватуков, которые уже находятся в пути; женщин и всех, кто по своему возрасту не годился для войны, они укрыли в таком месте, которое из-за болот недоступно для войска.

XVII

По получении этих сведений он выслал вперед разведчиков и центурионов – выбрать удобное для лагеря место. Цезаря сопровождали на походе многие из сдавшихся бельгов и остальных галлов; некоторые из них, как впоследствии было узнано от пленных, познакомились с обычным распорядком движения римского войска за эти дни, перешли ночью к нервиям и обратили их внимание на то, что между каждыми двумя легионами идет большой обоз и что нет никакого труда напасть на первый легион в момент его прихода на место лагеря, пока он еще не снял с себя амуницию, а остальные легионы еще далеко; если он будет разбит, а обоз разграблен, то прочие легионы не решатся остановиться для отпора. В пользу их совета говорило то, что нервии с давних пор были слабы конницей (да и до сего времени они о ней не заботятся, но вся их главная сила состоит в пехоте). И вот, чтобы тем легче парализовать набеги соседней конницы за добычею, они надрезали снизу молодые деревья и пригибали их к земле, а между ветвями, густо распространившимися в ширину, насажали ежевики и кустарника, так что этот плетень образовал своего рода укрепление, похожее на стену, причем не только нельзя было туда проникнуть, но и что-либо за ним разглядеть. Так как подобные плетни должны были затруднять движение нашего войска, то нервии сочли нужным воспользоваться упомянутым средством.

XVIII

Природные свойства той местности, которую наши выбрали для лагеря, были таковы: к названной выше реке Сабису шел холм, равномерно покатый сверху донизу. На другом берегу, прямо напротив этого холма, поднимался другой холм с подобным уклоном; внизу шагов на двести в ширину он был открыт, а вверху зарос лесом, так что нелегко было что-либо там разглядеть. В этом лесу и держался секретно враг; а на открытом месте, вдоль по реке, виднелись его редкие конные посты. Река эта была около трех футов глубиной.

XIX

Цезарь выслал вперед конницу и сам шел за ней со всеми своими силами. Но весь порядок похода был иной, чем бельги сообщили нервиям. Так как теперь он приближался к самому врагу, то, по своему прежнему обыкновению, он вел шесть легионов без багажа и обоза; за ним следовал обоз всей армии; наконец, два недавно набранных легиона замыкали всю движущуюся колонну и прикрывали обоз. Наши всадники перешли вместе со стрелками и пращниками через реку и завязали сражение с неприятельской конницей. Враги то и дело отступали в леса к своим и затем снова нападали на наших; в свою очередь, наши не решались преследовать отступающих неприятелей далее того пункта, где кончалась открытая местность. Тем временем шесть легионов, которые пришли первыми, отмерили площадь для лагеря и начали ее укреплять. Как только скрывавшиеся в лесу неприятели заметили головную часть нашего обоза (относительно этого момента они заранее условились, причем еще в лесу они выстроились в боевой порядок и ободряли друг друга), они вдруг всей массой выскочили из леса и напали на нашу конницу. Без труда разбив и смяв ее, они с невероятной быстротой сбежали к реке, так что почти одновременно их видели у леса, в реке и совсем поблизости от нас. С той же быстротой они бросились вверх по холму на наш лагерь и на тех, которые были заняты укреплением.

XX

Цезарь должен был делать все сразу: выставить знамя [это было сигналом к началу сражения], дать сигнал трубой, отозвать солдат от шанцевых работ, вернуть тех, которые более или менее далеко ушли за материалом для вала, построить всех в боевой порядок, ободрить солдат, дать общий сигнал к наступлению. Всему этому мешали недостаток времени и быстрое приближение врага. Но в этом трудном положении выручали, во-первых, знание и опытность самих солдат: опыт прежних сражений приучил их самих разбираться в том, что надо делать, не хуже, чем по чужим указаниям; во-вторых, Цезарь запретил легатам покидать лагерные работы и свой легион, пока лагерь не будет вполне укреплен. Ввиду близости врага и той быстроты, с которой он действовал, они уже не дожидались приказов Цезаря, но сами принимали соответствующие меры.

XXI

Отдав самые необходимые распоряжения, Цезарь поспешил со словами ободрения к солдатам – там, где их заставлял, и попал к 10-му легиону. Его солдатам он лишь вкратце посоветовал твердо помнить о своей прежней доблести, не падать духом и храбро выдержать неприятельскую атаку. Так как враги подошли уже приблизительно на расстояние выстрела, он дал сигнал к бою. Направившись в другое место также для ободрения, он застал солдат уже в самом разгаре сражения. Времени было так мало и враги шли с такой боевой отвагой, что некогда было возложить на себя знаки отличия и даже надеть шлемы и снять чехлы со щитов. Солдаты, шедшие с лагерных работ, занимали первые попавшиеся места в строю и приставали к первым встречным частям, чтобы в поисках своей части не терять времени для боя.

XXII

Войско наконец было выстроено в боевой порядок, но скорее в соответствии с условиями местности, с покатостью холма и с требованиями данного момента, чем по правилам военного распорядка: легионы бились с врагом в разных местах, каждый поодиночке; вышеупомянутые очень густые плетни, находившиеся между ними и неприятелями, закрывали от них горизонт, невозможно было ни расположить в определенных местах необходимые резервы, ни сообразить, что где нужно; нельзя было и единолично распорядиться всеми операциями. Понятно, что при столь неблагоприятных условиях неизбежны были колебания военного счастья.

XXIII

Стоявшие на нашем левом фланге солдаты 9-го и 10-го легионов, бросая сверху копья, быстро сбили ими в реку атребатов, которым достался этот участок и которые были изнурены утомительным бегом вверх и ранами и едва переводили дух. Когда они попытались переправиться через реку, то наши бросились туда за ними с мечами и многих из них во время переправы перебили. Они даже сами не задумались переправиться и при этом зашли на невыгодную для себя позицию; но когда враги повернулись на них и возобновили сражение, то они обратили их в бегство. Точно так же и в другом пункте два отдельных легиона, 11-й и 8-й, сбили с возвышенности веромандуев, с которыми у них завязался рукопашный бой, и теперь сражались уже у самого берега реки. Но вследствие этого почти весь римский лагерь по фронту и на левом фланге был обнажен, и на правом фланге стоял только 12-й легион и недалеко от него 7-й. Тогда все нервы густейшими рядами, под предводительством своего главнокомандующего Бодуогната, устремились к этому пункту; часть из них стала обходить легионы с незащищенной стороны, а другая двинулась на возвышенность, на которой находился лагерь.

XIV

В то же время наши всадники и бывшие с ними легковооруженные пехотинцы, которые, как я раньше сказал, были разбиты при первой неприятельской атаке, наткнулись на врагов при своем отступлении к лагерю и снова обращались в бегство – уже в другом направлении. То же было и с обозными служителями: сначала, когда они из задних ворот лагеря на вершине холма заметили, как наши победоносно перешли через реку, они вышли из лагеря на поиски добычи; но как только они обернулись и увидели, что враги уже в нашем лагере, то они опрометью пустились бежать. Единоновременно с этим поднимали крик и шум те, которые шли с обозом, и все в ужасе неслись в разные стороны. Все это произвело сильное впечатление на посланных своей общиной в помощь Цезарю треверских всадников – народа, который славится у галлов своей выдающейся храбростью: когда они увидели, что лагерь наполняется массой неприятелей, что легионы изнемогают от напора врагов и почти окружены ими, что обозные, всадники, пращники, нумидийцы бегут врассыпную отдельно друг от друга в разные стороны, – то они потеряли веру в успех нашего дела и устремились домой; там они сообщили своим землякам, что римляне разбиты наголову и что их лагерем и обозом овладели враги.

XXV

Ободрив 10-й легион, Цезарь направился к правому флангу. Там он увидел, что его солдаты теснят, манипулы со своими знаменами сбились в одно место, солдаты 12-го легиона своей скученностью сами себя затрудняют в сражении, у 4-й когорты перебиты все центурионы и знаменщик и отбито даже знамя, у остальных когорт убиты или ранены почти все центурионы, в том числе и центурион первого ранга, необыкновенно храбрый П. Секстий Бакул, так тяжело изранен, что от слабости уже не может держаться на ногах, а остальные потеряли энергию; из задних рядов некоторые от истощения сил оставляют поле сражения и уходят из сферы обстрела, а тем временем враги безостановочно идут снизу на фронт римского лагеря и наступают на оба фланга; вообще все положение было очень опасно и не было под руками никакого подкрепления. Тогда Цезарь выхватил щит у одного из солдат задних рядов (так как сам пришел туда без щита) и прошел в первые ряды; там он лично поздоровался с каждым центурионом и, ободрив солдат, приказал им идти в атаку, а манипулы раздвинуть, чтобы легче можно было действовать мечами. Его появление внушило солдатам надежду и вернуло мужество, и так как на глазах у полководца каждому хотелось, даже в крайней опасности, как можно доблестнее исполнить свой долг, то напор врагов был несколько задержан.

XXVI

Увидев, что на стоящий рядом 7-й легион также напирал враг, Цезарь приказал через военных трибунов легионам мало-помалу соединиться, сделать поворот и перейти в наступление. Когда, таким образом, одни отряды стали подавать помощь другим и перестали бояться нападения врагов с тылу, то солдаты начали смелее давать отпор и вообще храбрее сражаться. Тем временем солдаты двух легионов, которые в арьергарде прикрывали обоз, при известии о сражении направились туда беглым шагом, и враг скоро увидел их уже на вершине холма. Т. Лабиден овладел лагерем врагов и, заметив сверху, что делается в нашем лагере, послал нашим на помощь 10-й легион. Бегство всадников и обозных дало понять этим солдатам, как обстоит дело и в какой опасности находятся и лагерь, и легионы, и главнокомандующий. Поэтому они поспешили со всей скоростью, на которую только были способны.

XXVII

С их приходом произошла полная перемена положения: даже те из наших солдат, которые свалились от ран, возобновили бой, опираясь на щиты. Тогда обозные, заметив у врагов панику, даже без оружия пошли навстречу вооруженным, а всадники стали сражаться по всему полю сражения, чтобы храбростью загладить свое позорное бегство и превзойти легионных солдат. Со своей стороны, враги даже при ничтожной надежде на спасение проявили необыкновенную храбрость: как только падали их первые ряды, следующие шли по трупам павших и сражались, стоя на них; когда и эти падали и из трупов образовались целые груды, то уцелевшие метали с них, точно с горы, свои снаряды в наших, перехватывали их метательные копья и пускали назад в римлян. Таким образом, надо было признать, что недаром эти удивительно храбрые люди решились перейти через очень широкую реку, подняться на ее высокие берега и взобраться на позицию, для себя, безусловно, опасную: их необыкновенное геройство сделало все эти величайшие трудности легкими.

XXVIII

Эта битва окончилась почти полным уничтожением всего племени и даже имени нервиев. Их пожилые люди, которые, как мы выше сказали, вместе с женщинами и детьми были укрыты в лагунах и болотах, при известии об этом сражении поняли, что для победителей нет больше трудностей, а для побежденных – безопасности. Поэтому с согласия всех уцелевших они отправили к Цезарю послов и сдались ему. Упомянув о несчастье, постигшем их народ, они сослались на то, что из их шестисот сенаторов уцелело только трое, а из шестидесяти тысяч мужчин, способных носить оружие, едва-едва пятьсот. Чтобы с очевидностью проявить милосердие к несчастным и молящим, Цезарь дал им полное помилование, им самим приказал спокойно оставаться в своей стране и городах, а их соседям воспретил чинить им какие бы то ни было оскорбления и насилия.

XXIX

Адуатуки, о которых мы выше писали, уже двигались со всеми военными силами на помощь нервиям, но при известии об этом сражении повернули с полпути домой; оставив все города и укрепленные пункты, они со всем своим достоянием направились в один очень защищенный от природы город. Он был почти со всех сторон окружен весьма высокими скалами и обрывами, и только с одной стороны возможен был подступ к нему по постепенной покато-сти шириной не более двухсот футов. Этот пункт они своевременно укрепили очень высокой двойной стеной; а теперь они укладывали на этой стене тяжелые каменные глыбы и заострен-ные бревна. Сами они происходили от кимбров и тевтонов; последние во время своего похода на нашу Провинцию и Италию оставили по сю сторону Рейна то имущество, которое не могли захватить с собой, и при нем в качестве стражи и прикрытия шесть тысяч человек из своего народа. После уничтожения кимбров и тевтонов люди этого гарнизона много лет страдали от соседей в наступательных и оборонительных войнах с ними; наконец между ними всеми состо-ялось соглашение и мир, и они выбрали себе именно эту местность для поселения.

XXX

На первых порах после прихода нашего войска они часто делали из города вылазки и завязывали небольшие стычки с нашими; но с тех пор, как Цезарь окружил со всех сторон их город на пятнадцать миль в окружности валом в двенадцать футов вышиной и заложил во многих местах редуты на небольшом расстоянии друг от друга, они перестали выходить из города. А как только они увидели, что против них двигают галереи, насыпана плотина и сооружена вдали башня, то они стали насмехаться и громко издеваться, что такую громадную машину строят на таком далеком расстоянии: *где же руки и силы – особенно у таких маленьких людей, – с которыми они надеются поставить такую тяжелую башню на стену?* Надо сказать, что галлы при их высоком росте большей частью относятся к нашему небольшому росту с презрением.

XXXI

Но как только они увидели, что эта башня действительно движется и приближается к их стенам, это невиданное и необычайное зрелище так поразило их, что они отправили к Цезарю послов с предложением мира. Послы говорили следующее: *они убедились в том, что римляне ведут войну с божественной помощью, если они способны двигать вперед столь высокие сооружения с такой быстротой; поэтому они отдаются им на милость со всем своим достоянием. Об одном они убедительно просят: в случае, если Цезарь с свойственной ему милостью и кротостью, о которой они слышаны от других, признает нужным помиловать адуатукков, то пусть он не лишает их оружия. К ним враждебны почти все их соседи и завидуют их храбрости. По выдаче оружия они не в состоянии будут защищаться от них. Раз они уже доведены до такой крайности, им лучше сносить какую угодно участь от римского народа, чем мучительно погибать от тех, над которыми они до сих пор привыкли господствовать.*

XXXII

На это Цезарь отвечал: *скорее по своему обыкновению, чем по их заслугам, он готов помиловать их народ, если, однако, они сдадутся прежде, чем таран коснется их стены. Но сдача возможна только под условием выдачи оружия. Он сделает то же, что сделал по отношению к нервиям, именно – запретит соседним народам чинить какие-либо обиды людям, сдавшимся римскому народу.* Послы сообщили об этом своим, и те заявили, что исполнят это требование. Множество оружия было сброшено со стены в ров, находившийся перед городом, так что груды его достигали верхнего края стены и вершины вала; но все-таки около трети, как выяснилось впоследствии, было спрятано и удержано в городе. Как бы то ни было, они открыли ворота римлянам, и горожане провели этот день в мире.

XXXIII

Под вечер Цезарь приказал запереть ворота, а солдатам выйти из города, чтобы горожане не подверглись ночью каким-либо обидам с их стороны. Но у адуатуков, как оказалось, уже заранее был обдуман свой план, а именно: они решили, что по случаю сдачи наши выведут из редутов охрану или же наконец будут сторожить не очень зорко; и вот, отчасти с тем оружием, которое они скрыли и удержали в городе, отчасти со щитами, сделанными из коры или из прутьев и за краткостью времени наспех покрытыми кожей, они вдруг в третью стражу сделали из города вылазку там, где подъем на наши укрепления казался особенно легким. Согласно с приказом, который Цезарь отдал раньше, быстро дан был сигнальный огонь, и по этому сигналу туда сбежались солдаты из ближайших редутов. Враги сражались так ожесточенно, как и должны были сражаться храбрые люди, когда почти не оставалось надежды на спасение или же она зависела исключительно от храбрости; они занимали невыгодную позицию и имели дело с противником, который обстреливал их снарядами с вала и башен. Около четырех тысяч человек было убито, остальные были отброшены в город. На следующий день были взломаны ворота при отсутствии защитников, солдаты были введены в город, и Цезарь приказал всю военную добычу с этого города продать с аукциона. Число проданных жителей, о котором ему было доложено покупателями, было пятьдесят три тысячи человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.